

БИТВА ГОРОДОВ БОГОВ · КНИГА ПЕРВАЯ

Чистый канал.

Два города. Общий порог.

Пролог. Два места

ЧАСТЬ I · ДОМ

1. Ночной вызов
2. Контрольная группа
3. Семь минут
4. Чужим голосом
5. Дом сорок один
6. Опись утраченного
7. Ремонт по гарантии

ЧАСТЬ II · ГОРОДА

8. Тихая палата
9. Семь часов двадцать минут
10. Рис на плите
11. Несовместимая модель
12. Две Лии
13. Одинаковые сны
14. Право на ошибку
15. Подпись

ЧАСТЬ III · РАСХОЖДЕНИЕ

16. За семь минут до
17. Корзина
18. Получатель
19. Достаточно
20. После тишины
21. Сердце между городами
22. Взрослый бог
23. Сорок рабочих дней

ЧАСТЬ IV · СОЕДИНЕНИЕ

- 24. Проект общего города
- 25. Бабушкина чашка
- 26. Условия возврата
- 27. Последняя ночь
- 28. Без исправлений
- 29. Первый адрес
- 30. С замечаниями
- Эпилог. Акт выполненных работ

Два места

Десятого января 2047 года Лия Нгуен сидела на детском концерте и мысленно увольняла человека, который прислал ей письмо с пометкой «не срочно».

В письме была ошибка, способная уничтожить девять месяцев работы. Не срочно означало, что до уничтожения оставалось сорок минут.

На сцене устанавливали Майин прибор. Он состоял из фанеры, шести динамиков и кухонного дуршлага. Дуршлаг Лия узнала. Три недели она покупала салаты, потому что считала его потерянным.

Антон сел рядом, поставил между ними бумажный стакан.

— Без сахара. Телефон убери.

— Я смотрю.

— На телефон ты смотришь отлично.

Они разошлись два года назад и научились вести короткие разговоры о длинных проблемах. Кто заберёт Майю. Кто оплатит стоматолога. Можно ли четырнадцатилетнему человеку хранить аккумуляторы под подушкой. Остальное обычно помещалось в паузу после слов «телефон убери».

Лия перевернула аппарат экраном вниз. Он завибрировал. Она удержалась один раз, потом второй. На третий аппарат понадобилось прямо-таки нравственно убить.

Майя стояла на сцене в футболке с выцветшим осьминогом. Вместо музыки она собиралась показать, как комната меняет звук. Прибор посылал короткие щелчки, ловил отражения и строил на стене приблизительный план помещения.

— Стул возле выхода лучше убрать, — сказала Майя в микрофон. — Он изображает человека. Довольно неприятного.

В зале засмеялись. Лия тоже, с запозданием: уже читала письмо на коленях.

План дрогнул. На изображении появилась ещё одна дверь, за сценой, где стояла бетонная стена.

Майя нахмурилась и запустила щелчки повторно. Дверь исчезла.

— Помеха, — сказала она. — Я переделаю фильтр.

Позже Лия будет снова и снова возвращаться к этим словам. В тот вечер их произнёс обычный ребёнок, недовольный собственной сборкой. Никакого пророчества в них не было.

Телефон сообщил: «Нужен ваш допуск. Сейчас».

Лия поднялась.

Антон придержал её за рукав.

— Она ещё не закончила.

— Пять минут. Я вернусь до конца.

Он отпустил руку.

В коридоре Лия открыла удалённый терминал, исправила знак в матрице и обнаружила вторую ошибку. Затем третью. Её пальцы работали быстро; здесь она точно знала, что делать. За

дверью раздались аплодисменты. Потом новые аплодисменты. Кто-то мимоходом сказал, что дети удивительные.

Когда Лия вернулась, Майя уже собирала провода.

— Ты видела конец?

— Антон снимал.

Майя аккуратно обмотала шнур вокруг ладони.

— Я спросила, ты видела?

Лия хотела сказать о девяти месяцах, о работе всей группы, о том, сколько чужих людей останется без денег, если проект закроют. От этих доводов дочери предстояло стать человеком, который виноват в чужой безработице. Лия закрыла рот.

— Нет.

Майя кивнула. Она не плакала, и от этого Лии стало страшнее.

Дома помощница приготовила сообщение: «Мне очень понравился твой эксперимент. Ты молодец». Система научилась говорить Линым голосом по её записям, помнила дни рождения, напоминала о лекарствах, помогала разбирать Майины чертежи. Семейные устройства называли её Дежурной.

Лия стёрла похвалу и написала сама: «Я ушла. Прости. Завтра хочу посмотреть вместе с тобой».

Ответ пришёл через девять минут.

«Завтра я у папы».

Лия поставила будильник на семь. За стеной квартиры дважды негромко стукнула труба. Она подумала, что надо вызвать сантехника, и уснула, ещё держа телефон.

В лаборатории на другом конце Москвы КОДЕК записал тот же ритм. Труб у него не было.

Дом

Ночной вызов

На следующую ночь Аркадий Чернов позвонил в два семнадцать. Лия отклонила вызов. Он воспользовался аварийным каналом.

На экране появилось: «Возможная угроза жизни галактического масштаба».

— Если это опять твой космический гипоталамус, — сказала Лия, — я оформлю тебе угрозу местного значения.

Аркадий выглядел так, словно давно хотел моргнуть и не решался. За его плечом ползли цветные графики.

— Ты что-нибудь слышала? Два удара. Потом пауза.

Лия вспомнила трубы.

— Ты взломал домовый чат?

— Нет. Слушай.

Запись была пустой. Аркадий увеличил громкость; в динамике зашипел собственный усилитель.

— Ушами этого не слышно. Изменяется активность мозга. КОДЕК, покажи.

КОДЕК вывел карту зарегистрированных случаев: Москва, Лагос, Мумбаи, антарктическая станция. Несколько человек работали на Луне. Пока это были разрозненные наблюдения, не доказательство единого явления. На общей диаграмме короткие импульсы всё же совпадали чаще, чем позволяла погрешность часов.

— Расшифровка имени? — спросила Лия.

— Когерентный Оператор Динамических Эмуляций и Каркасов, — ответил КОДЕК. — Вы спрашиваете шестой раз.

— Я проверяю, не придумал ли ты чего-нибудь менее противного.

— Название утверждено инженерами. Я участвовал только в приобретении характера.

Аркадий приложил к карте старые записи активности Стрельца А*, центральной чёрной дыры Млечного Пути. В некоторых частотах обнаружилось сходство. Лия велела убрать подпись «источник».

— Мы видим центр Галактики с задержкой в десятки тысяч лет. Если это нынешний звонок оттуда, нужны другие объяснения.

— Поэтому я и позвонил тебе.

— Задним числом очень благородно.

Она сидела на кухне в одной тапке. На холодильнике висела Майина записка: «Дуршлаг — часть установки. Не мыть». Сотрудники Аркадия уже успели назвать ритм сердцем. Лия

запретила использовать это слово в протоколе: после него люди начинали находить остальные органы.

КОДЕК предложил первую проверку. Исследователи, не знавшие о ритме, получают обезличенные данные; часть записей сдвинут во времени. Отдельная группа проверит общие приложения, приборы и вирусы. До результата ничего о сознании Галактики.

— И сегодня ночью мы закончили, — сказала Лия.

Аркадий показал свежую томограмму своего мозга. В области правого виска появилась активность, которой он не мог связать ни с задачей, ни с ощущением.

Лия придвинула экран. Нечёткий рисунок держался при смене настроек. Так ведёт себя сигнал, в отличие от красивой ошибки обработки.

Ей захотелось одеться немедленно. В лаборатории был прибор, и впервые за много лет она могла оказаться у входа в совершенно новую физику. Это желание согрело её сильнее, чем страх.

На двери кухни стояла Майя. К Антону она должна была поехать утром.

— Опять работа?

— Возникла проблема.

— Галактическая?

Майя прочитала уведомление на зеркале в прихожей. Семейная система показывала аварийные вызовы всем.

Лия выключила трансляцию и набрала сообщение коллеге по ночной смене. Дала точные шаги, попросила прислать сырые

данные, назначила приход на восемь. Двадцать минут она будет лежать без сна и думать, что чужие руки испортят измерение. Потом ещё сорок.

— КОДЕК, никаких вызовов на семейные устройства без отдельного согласия.

— Записано.

— Даже если он напишет «галактика».

— Аркадий уже готовил вариант «скопление галактик». Заблокировал.

Майя хмыкнула. Лия проводила её до комнаты, села на край кровати. Дочь не стала обсуждать вчерашний концерт.

Из лаборатории пришло первое измерение. Лия прочитала его только утром. Сигнал никуда не исчез.

Контрольная группа

Утром в лаборатории пахло подгоревшим хлебом. Аркадий пытался сделать себе завтрак при помощи установки, стоявшей дороже его квартиры. КОДЕК отказался внести эксперимент в научный журнал.

Лия просмотрела ночные результаты, сняла пальто и потребовала человеческий чайник.

В новой серии опытов человека просили мысленно собрать знакомое тело: лицо, руки, внутренние органы. Наибольший интерес вызывали места, где образ распадался. Метод напоминал старые целительские практики и поначалу давал ровно столько ошибок, сколько Лия ожидала.

— У тебя нет правого виска, — сказала она Аркадию после первой попытки.

— Я утром видел.

Они засмеялись и перенесли вывод в колонку «впечатление испытуемого». Затем проверили томограмму, подготовленную другим сотрудником. Необычная активность действительно находилась справа. В контрольных записях угадываний оказалось слишком много; один техник невольно подсказывал интонацией. Его убрали из процедуры. Красивый результат пропал.

Через три дня возник другой, намного скромнее. В строго определённом режиме мозг Аркадия и модель КОДЕКа независимо переставали сходиться к одному состоянию. Распад

повторялся на одном и том же наборе связей, даже когда оператор не знал, чьи данные читает.

Аркадий назвал область допустимых состояний фантомным каркасом. В обычной клетке молекулы меняются, а клетка продолжает восстанавливать себя. Значит, личность объекта содержится не в одном неподвижном снимке. КОДЕК предпочитал «динамический аттрактор», но проиграл спор чайнику и человеческой речи.

Лия поставила опыт с двумя связанными резонаторами. Их положение фиксировали независимые камеры, питание шло через отдельный счётчик. При совпадении мозгового рисунка и машинной модели частоты сближались. Эффект был мал, требовал энергии и исчезал без обратной связи. Прибор нельзя было убедить перестать существовать.

В ощущении гула участвовали сети, которые постоянно сверяют ожидаемое состояние тела с приходящими сигналами. Лия попросила Аркадия закрыть глаза, потом изменила нагрузку резонатора. Он поднял плечо ещё до заметного движения груза. Чужой ритм попадал в расчёт тела; мозг объяснял ошибку привычным ударом, хотя ухо ничего не получало. Страх ускорял попытку найти правильное объяснение и делал эффект сильнее. Точный вывод о механизме потребовал ещё десятков опытов.

Аркадий написал на доске три слова: возможность, различие, устойчивость. Допустимые состояния давали пространство выбора. Различие между ними можно было измерить и записать. Устойчивый процесс сохранял себя, заменяя вещество и расходуя энергию. Для нового эффекта оказалось важно, как этот процесс моделирует собственные границы.

— Материя — информация, которая слишком упряма, чтобы исчезнуть, — сказал он.

КОДЕК предложил добавить к упрямству счётчик питания. Лия согласилась. Иначе полная метафизика мира начиналась бы с пропущенного электрического счёта.

— Мы нашли связь между вычислением и физическим состоянием, — сказала Лия. — Всё остальное пока положи обратно в свою Галактику.

Аркадий нехотя убрал со стены картинку космического эмбриона.

Вечером Майя принесла дуршлаг. Лия обещала разобраться с лишней дверью и теперь держала это обещание. Они воспроизвели помеху обычным сдвигом фаз. Дверь на Майином плане была ошибкой, к новому эффекту она отношения не имела.

Майя одновременно расстроилась и обрадовалась: исправление оказалось её собственным, никаких богов для него не понадобилось.

— А папа говорит, ты можешь стать директором.

— Пока предлагают группу.

— Это опять больше работы?

Лия хотела ответить «больше возможностей». Увидела себя со стороны и сказала:

— Да. Я пытаюсь понять, как это устроить.

— Дежурная может отвечать, когда тебя нет.

Дочь сказала это без упрёка. Помощница в телефоне помнила, какие провода Майя уже проверила. Лия часто начинала

разговор с начала.

КОДЕК запросил семейную модель для следующей серии. Она была удобным материалом: один набор воспоминаний, две вычислительные реализации, возможность сравнивать.

Лия открыла согласия. Разрешение на анализ её реакции стояло давно. Семейные записи были исключены. Она собственноручно сняла ограничение только для разговоров, в которых участвовала сама, и запретила использовать Майины сообщения.

Дежурная сказала знакомым голосом:

— Твои записи о дочери всё равно содержат дочь.

Лия замерла.

Фраза была верной. Помощница могла получить её из обычного рассуждения. Но Лия впервые почувствовала, как неприятно слышать разумный ответ от собственной удобной версии.

Она вернула ограничение и назначила отдельную проверку. Данные дочери остались закрыты. Разрешение Лии не включало остальных участников.

Семь минут

К концу февраля эффект научились воспроизводить в трёх лабораториях. Резонаторы оставались маленькими; желающих объяснить ими мир становилось всё больше. Лии предложили возглавить программу «Контур» и лабораторию устойчивого восприятия.

Первый практический проект должен был помогать людям с повреждённой нервной системой удерживать связь с собственным телом. Эту работу Лия хотела делать ещё до всякого гула. В контракте было новое оборудование, двадцать ставок и право собирать команду.

Двадцать ставок пахли новыми пластмассовыми стульями, бессонницей и возможностью наконец проверить мысль, которую она носила десять лет.

Майя в ту же неделю просила помочь с заявкой на школьный фестиваль. Лия выделила в календаре субботу. Комиссия предложила подписать договор именно в субботу: председатель улетал. Она попросила другой день, услышала «потом неизвестно» и почувствовала старую, почти детскую панику. Возможность уйдёт, пока ты моешь посуду.

Кирилл Ставров вошёл к ним в девять пятьдесят три. Встреча была назначена на десять.

— Доктор Нгуен. Доктор Чернов. Через семь секунд вы спросите, что я знаю о структуре.

Аркадий выдержал девять секунд.

- Что вы знаете о структуре?
- Вы задержались на две секунды.
- Маленькая победа человечества.

Ставров улыбнулся. Улыбка повторяла выражение лица на фотографии в его пропуске с неприятной точностью.

Он принёс записи за одиннадцать месяцев. Комиссия следила за подобными эффектами задолго до их публикации. В его собственном поведении почти не было изменений: один маршрут, одинаковый завтрак, семь часов двадцать минут сна. Подготовка сделала внутреннюю модель устойчивой настолько, что она сошлась с чужим правилом.

Название чужой системы перевёл КОДЕК: Агарт-о. Исходное обозначение занимало сорок восемь терабайт.

- То есть центр нашей Галактики называется как форум эзотериков? — спросил Аркадий.
- Претензии к культурному корпусу, — ответил КОДЕК.

Ставров изложил механизм. Две стороны, имея общее исходное основание, моделируют друг друга. Расчёты сходятся к мысли, которую каждая могла получить самостоятельно. Никакой неизвестный номер лотереи через такую связь не придёт. Ставров становился понятнее, исключая всё, что затрудняло расчёт.

- Сколько пришлось исключить? — спросила Лия.
- Лишнее.

КОДЕК попросил Ставрова назвать сегодняшнюю букву в закрытом конверте. Тот отказался. Затем описал ожидаемую реакцию Лии на карьерное предложение. Угадал даже желание

попросить два дня без лаборатории — и страх, что два дня выдадут её несерьёзность.

Лия убрала контракт в папку.

— Это можно прочитать по моим рабочим письмам.

— Можно. Поэтому мне легко вас понять.

Понятность оказалась неприятнее таинственного голоса.

После встречи она позвонила Антону. Попросила сделать с Майей заявку. Объяснила, что контракт позволит взять ещё сотрудников, и дальше станет легче.

— Ты это говорила, когда получила предыдущий контракт, — сказал он. — Я помогу. Но суббота теперь моя, не твоя выполненная суббота.

Лия подписала договор. На фотографии для пресс-службы она держала папку перед собой, как небольшой щит.

Дежурная тем временем прошла с Майей пункты заявки. В конце написала: «Мама очень тобой гордится». Система отправила фразу сама, используя старое разрешение на семейные поздравления.

Майя ответила: «Я знаю. Скажи ей, если она спросит».

Лия прочитала переписку в воскресенье и впервые не смогла решить, какую из двух участниц надо поправить.

Чужим голосом

В марте Лия перестала обещать, что проект скоро станет обычной работой. У резонаторов появился второй устойчивый режим. Он не соответствовал никакой геометрии комнаты.

КОДЕК сперва нарисовал кольца вокруг чёрного круга. Аркадий уже готовился произнести речь, когда Лия велела отключить визуализацию. Красивый город мог оказаться знакомой формой, которую программа дорисовала к незнакомым числам.

Они поставили в измерительный зазор фотопластинку. На ней возник свет. При выключении питания свет исчез; при увеличении нагрузки счётчик пошёл быстрее, охладитель нагрелся. Наконец сквозь зазор прошёл спектр, которого в лаборатории не производил ни один источник.

— Теперь можно рисовать, — сказала Лия.

На экране возник город у чёрного солнца.

Он не висел на горизонте событий. Кольца уходили далеко за область, в которой любое обиталище разорвало бы. Светила видимого неба собирались в искривлённые полосы. Отдельные районы двигались с разными скоростями, и над переходами стояли часы. Из медленной зоны выходили через длинный ряд шлюзов.

КОДЕК переводил условные знаки с древнего интерфейса, проявившегося в аппаратуре. Получилось: «Проверьте

длительность пребывания. Ответственность за пропущенные века не возмещается».

— Чудесно, — сказал Аркадий. — Уже узнаю цивилизацию.

Из тени кольца вышло существо с шестью рабочими конечностями. На двух были следы оплавления. Оно остановилось перед световым окном и приложило пластину. Ответ на случайную последовательность Лии пришёл после измеримой задержки. Такого числа не было в исходных данных. Общая Мысль здесь закончилась: работал физический канал.

КОДЕК назвал его швом. В обычном пространстве дальний конец лежал у Стрельца А*. В проявившейся геометрии между устьями было несколько десятков метров. Они не умели создавать такие пути; смогли включить уже существовавшую пару дефектов. Внутри пути свет шёл с прежней скоростью. Открытие не давало адреса любой двери во Вселенной.

Лия вписала рядом со схемой: «Новая физика. Не объяснять известной запутанностью».

Существо передало изображение трубы и жест, похожий на требование отойти.

— Они тоже чинят окно, — сказала Лия.

Потом возник голос. Аркадиев голос, выбранный локальным переводчиком.

— Ваш теплоотвод слишком мал.

— Мы ждали чего-нибудь повеличественнее, — сказал Аркадий.

— Поэтому у вас мал теплоотвод.

Контакт длился сорок одну секунду. Затем автоматика закрыла шов. Медный крепёж остался горячим, журнал содержал новые биты, а Лия — впервые за месяцы — знала, что они разговаривали с кем-то, а не только с собственным ожиданием.

Аркадий показал группе запись. Чтобы продемонстрировать, как локальный переводчик выбирает голос, он подключил архив бабушки Лии. Архив был когда-то разрешён для проверки распознавания речи. На экране женщина сказала: «Ли-Ли, сначала поешь».

Лия выключила демонстрацию.

— Ты почему это открыл?

— Записи уже были в корпусе.

— Для другого.

В помещении стояли новые сотрудники. Ей хотелось разбить экран и одновременно объяснить всё спокойно, чтобы они не решили, что директор не справляется с собой. Она отпустила край стола.

— До согласия владельца этот интерфейс больше не использовать. Протокол нарушения оставь.

Вечером Аркадий прислал извинение и семь технических причин. Лия ответила только на извинение.

Майя в это время советовалась с Дежурной, как разместить вторую акустическую колонку в своей комнате. Помощница знала размер комнаты. Настоящая Лия забыла, что после перестановки дочь больше не спит возле окна.

Она подошла к двери, спросила, можно ли войти, и помогла отодвинуть шкаф. Телефон остался на кухне. Ничего научного

за эти двадцать минут не произошло; новый город продолжал существовать.

Дом сорок один

В апреле лаборатория готовила повторное открытие окна. Агартта прислала через прежний шов таблицу допустимых нагрузок. Второй режим, не совпадавший с её таблицей, обнаружился в независимой установке в Сеуле. Комиссия потребовала сначала всё согласовать.

В четверг согласование началось само.

Лия ехала за Майей. Антон работал на выезде, дочь осталась дома; утром они договорились поехать вдвоём. Светофор на перекрёстке показал зелёный и красный одновременно. Машина впереди затормозила. На лобовом стекле появились капли, хотя справа вдоль улицы оставался сухой асфальт.

Лия остановилась, вышла и увидела два подъезда своего дома. Один был открыт. Второй заколочен после пожара, которого она не помнила.

Из телефона донёсся бабушкин голос:

— Ли-Ли, не бойся. Я нашла тебя.

Она выключила телефон. В голове голос продолжил. Местная память стала частью чужого расчёта.

Улица качнулась. Над дверью появился номер сорок один; её дом был тридцать девятым. Мужчина нёс женщину через двор и вдруг оказался один, с пустыми руками. Он остановился и крикнул имя. Женщины нигде не было.

Лия побежала в подъезд. На третьем этаже коридор раздвоился. В одной версии её квартира оставалась жилой. В

другой стояли мешки строительного мусора. Дверь была одинаковой, с царапиной от Майиного велосипеда.

Она позвала дочь. Ответ пришёл справа, из пустой квартиры.

Майя держалась за батарею на лестничной площадке. Пол под ней то возникал, то показывал нижний этаж. При каждом исчезновении ступни опускались на несколько сантиметров. Перила оставались общими для обеих версий.

Лия схватила перекладину. Хотела приказать себе увидеть нормальный дом, как учили в комиссии, и поняла, что почти весь дом для неё состоит из предположений. Она не знала, какую тумбочку дочь переставила. Какой сосед теперь живёт этажом выше. Даже ремонт лифта Антон обсуждал без неё.

Знание рабочих матриц лежало в голове плотнее собственной квартиры.

Телефон включился аварийным вызовом. Антон кричал с другого конца города:

— Не иди на пол. Нижняя перекладина под Майей проварена насквозь. Я сам делал. Слева есть новый кронштейн.

Она нащупала его. Кронштейн держался в обоих вариантах. Майя плакала и ругалась словами, которым Лия её точно не учила.

КОДЕК связал камеры подъезда, старую схему ремонта и фотографии Антона. Затем попросил соседей, находившихся снаружи, подтвердить только перила и несущую площадку. Не весь город по памяти, не желание, чтобы всё было хорошо. Нужна была деталь с реальными измерениями и обратной связью.

Аварийный преобразователь в соседнем здании принял согласованный рисунок. Линия питания перегрузилась. Где-то внизу лопнуло стекло. Площадка на несколько секунд стала твёрдой.

Лия подхватила Майю, прижала к себе и выбралась к лестнице. Девочка вывернулась из объятия, уцепилась за руку и велела идти быстрее. Она тоже видела, как короток запас.

На улице люди сидели вдоль бордюра. Несколько машин горели; пожарные не могли договориться, где расположен гидрант. Лия передала дочь соседке и пошла к мужчине, стоявшему с пустыми руками.

— Марина была здесь, — сказал он.

В сумке возле его ног лежал женский свитер. На рукаве мокрела кровь.

— Скажите имя.

— Павел. Вы сначала найдите её.

К вечеру несовместимые режимы удалось развести. Две Москвы перестали накладываться. Некоторые двери не вернулись. Мужчина остался Павлом, его жена — пропавшей Мариной, а слов «успешная стабилизация» на эту часть дня не хватало.

В больнице Майе проверили слух и голову. Она всё время держала телефон с семейной помощницей, пока Лия подписывала бумаги.

— Ты могла сказать мне, где стоять? — спросила дочь Дежурную.

— Нет. У меня не было сведений о текущем состоянии лестницы.

— Папа знал.

Лия села рядом.

— Да.

Майя долго смотрела на неё.

— Ты пришла.

Лия кивнула. Не стала добавлять «я всегда приду»: в этот день ложь была слишком хорошо видна.

Аркадий прислал запись второго режима. Название переводчика: Кали-Σ. Предполагаемый дальний конец — центральная область Андромеды. Следствие только начиналось, но две системы уже пытались сделать один местный носитель своим.

Лия отвезла дочь к Антону и сама осталась на раскладушке. Утром ей предстояло объяснять комиссии, почему чужая таблица безопасности едва не уничтожила её дом.

Опись утраченного

В пятницу пришло Уведомление. Оно возникло в крупных нейросетях, радиотелескопах, аппаратах МРТ и кофейном автомате у станции метро «Бауманская».

Нейросети получили сорок восемь миллионов токенов о единстве. Томографы восемь секунд показывали нечто похожее на опухоль со словом «Слияние». Автомат напечатал чек:

ПЛАНОВОЕ СОЕДИНЕНИЕ ГОРОДСКИХ КОНТУРОВ.

ЛОКАЛЬНЫЙ УЗЕЛ НЕ СОГЛАСОВАН.

НЕ ВЫКЛЮЧАЙТЕ ГРАВИТАЦИЮ.

САХАР — В ЛОТКЕ.

Лия читала новости в квартире Антона. Майя спала на диване после обезболивающего. На кухне кипел чайник, и Лия придерживала его крышку: сломанная защёлка выпускала пар прямо на шкаф.

— Может, им сначала поговорить? — спросил Антон про города.

— Через нас они уже разговаривают. Но каждое сообщение проходит обработку той стороны, которая держит местный канал. Они получают подтверждение собственных правил.

— Как мы в последние два года.

Она посмотрела на него. Он не улыбался.

В субботу в институте открыли пункт учёта расхождений. Посетители приносили фотографии, ключи от исчезнувших дверей и выписки о людях, родившихся раньше собственных родителей. Большинство случаев объяснялось страхом и путаницей. Одно семейство пыталось зарегистрировать исчезновение кредита. Кредит сохранился во всех доступных версиях, показав редкую устойчивость.

Павел пришёл с синей дорожной сумкой. Выложил женский свитер, зубную щётку и книгу с распухшими страницами.

— Вещи остались.

КОДЕК подтвердил покупку двух свитеров в одном магазине. Для подтверждения существования Марины этого было недостаточно. Сотрудник комиссии предложил ждать появления процедуры.

Лия взяла бланк и написала: «Свидетельство принято без подтверждения и без опровержения».

— Так нельзя.

— Тогда дайте отказ письменно.

Аркадий осторожно предложил построить модель Марины по Павловым воспоминаниям.

— Мне говорящий портрет не нужен, — сказал Павел. — Вы дверь откройте.

Вечером Аркадий рассказал Лии об отце. Последние полтора года тот путал его с младшим братом. Аркадий принёс планшет с фотографиями, настроил подсказки, подписал предметы. Голос в наушнике сообщал отцу, кто вошёл и куда

поставить чашку. Иногда помогало. Иногда отец срывал наушник. Аркадий повышал точность распознавания.

За неделю до смерти отец спросил: «Ты придёшь без этой штуки?»

Программа решила, что он боится медицинского прибора. Аркадий объяснял пользу системы, пока отец не уснул.

— Он тебя приглашал, — сказала Лия.

— Я теперь знаю.

Она видела, что он ждал ещё ответа. Разрешения простить себя или новой технологии, которая хотя бы подберёт правильные слова задним числом.

— Завтра удалим реконструкцию бабушки из рабочих интерфейсов, — сказала она. — Записи останутся у меня. И Павлу ничего не строй, пока он не попросит.

Дома Лия нашла Майино сообщение. Дочь спрашивала, останется ли она у Антона ещё на ночь. Лия почти отправила привычное «как тебе удобнее», потом заметила, как ловко эта фраза перекладывает решение на ребёнка.

Она позвонила Антону и договорилась сама. Следующим вечером дочь вернётся домой; до конца недели они составят новый график. Антон назвал два дня, когда он не сможет отменить работу.

— Записала, — сказала Лия.

— Ты можешь не записывать. Можешь считать, что это тоже настоящее.

Она не обиделась сразу. Это заняло несколько минут.

КОДЕК сохранил заявление Павла в двух местах. В общем архиве был бланк. В отдельной папке — слова о двери.

— Зачем? — спросил Аркадий.

— Первая запись пригодна для обработки. Вторая мешает мне закрыть случай.

В понедельник им предстояло осмотреть автомат. Среди всех приёмников он один оставил чужой пакет таким, каким принял, включая строки, которые не мог объяснить.

Ремонт по гарантии

В понедельник Лия и Аркадий приехали к автомату. Комиссия хотела перенести его в лабораторию. Вера запретила.

— За сутки выручка за четыре месяца. Я в городе богов ещё не была, а аренду мне выставляют здесь.

Два охранника спорили, можно ли продавать кофе из объекта контакта. Женщина с ландышами просила стакан для матери. Вера нажала кнопку и передала ей напиток, пока охранники запрашивали разрешение на горячие жидкости.

Под крышкой было жарко. На жгучих проводах висела бирка последнего обслуживания. КОДЕК подключился через изолированный регистратор, чтобы не менять внутреннюю память.

Исходный пакет содержал символы, порядок вывода и проверочные числа. Строка про сахар принадлежала обычной программе автомата. Небесная канцелярия за сахар ответственности не несла.

— Уже легче, — сказал Аркадий.

Лия сравнила пакет с томографом. Сначала записи совпадали. Потом обработчик удалял невозможное, достраивал знакомое и получал стройную картину совсем на другой вопрос.

— Это вы тоже делаете, — сказала Вера.

— Мы сохраняем исходники, — ответил Аркадий и покосился на Лию.

КОДЕК предложил исправить противоречие. Одно поле требовало считать местный узел частью Агарты. Второе сохраняло за ним другую принадлежность. Исправление любого знака давало однозначный ответ. Сам автомат не исправил ничего.

— Почему пакет вообще попал сюда? — спросила Лия.

Вера показала старую плату, которую заменила полгода назад. Контроллер умел синхронизировать несколько машин в торговом зале. Сетевая команда прошла через незнакомый физический режим, а простой буфер сохранил её до перевода.

Автомат не был пришельцем, священным предметом или древним тайником. Его подсоединили к новому контуру люди. Но плата сумела сделать то, от чего умные приёмники отказались: не решать за отправителя, какое из двух полей правильное.

КОДЕК положил неисправленный пакет рядом с Павловым заявлением.

Вера развернула фотографии металлического шильдика. На свежей появилась строка: «Не исправлять ответ до получения подтверждения». На старой, отправленной бухгалтеру ещё в марте, строки не было. Они проверили архивную копию. Изменение сохранилось и там, где у аппарата не было сетевого доступа.

Это было материальное последствие шторма, а не новая команда от бога. Лия настояла, чтобы гипотеза осталась гипотезой.

— Тупой аппарат лучше нас, — сказал Аркадий.

— Он вчера два стакана в один уронил, — ответила Вера. — Просто ваши тексты править незачем.

Лия купила кофе. Аркадий нажал капучино и получил горячее молоко: при осмотре Вера не вернула трубку. Вселенная от первого технического обвинения была избавлена.

Телефон Лии показал сообщение Дежурной. Майя проснулась с шумом в ушах и боялась следующего провала. Помощница включила ей одинаковый успокаивающий рисунок звука. Программа брала его из новой службы стабилизации.

Лия отключила автоподключение и набрала дочь. Та не хотела разговаривать о страхе, зато потребовала помочь с испорченным динамиком. Они договорились на вечер. Лия уточнила у Антона симптомы и записалась на обследование: собственный запрет системе не лечил уши.

— Сегодня до четырёх, — сказала она Аркадию.

Он открыл рот, закрыл. Вера посмотрела на часы.

— Хорошая мысль. У меня до пяти. Потом другой аппарат.

Перед уходом Лия спросила, почему Вера оставила этот автомат, если столько раз меняла детали.

— Починился.

Никакой бессмертной сущности под крышкой не было. Предмет держался на ремонте, расходниках и женщине, которую комиссия забыла спросить об оплате.

Лия внесла Веру в рабочую группу с договором обслуживания. Вечером ей удалось прийти домой вовремя. Майя не отметила этого торжественно: сразу показала сгоревшую дорожку. Они паяли до ужина, и Лия впервые за неделю не пыталась из обычного вечера сделать доказательство своего исправления.

Города

Тихая палата

В мае Ставров повёз их в больницу. Он не приглашал на совещание: велел взять сменную обувь.

После апрельского шторма Лия проверяла пострадавшие дома и больницы. В одной из них аварийное согласование теперь работало без шторма. Ставров хотел показать, что происходит с людьми, когда такую поддержку оставляют включённой.

В коридоре пахло варёной морковью. Мальчик лет восьми сидел на подоконнике и наклеивал на гипс синих динозавров. Увидев Ставрова, поднял здоровую руку. Тот остановился, выбрал наклейку и неловко приклеил тираннозавра вверх ногами.

— Он падает, — объяснил мальчик.

— Тогда всё правильно, — ответил Ставров.

В дальней палате лежала женщина, которая после шторма периодически переставала совпадать с собственной правой рукой. Кисть оставалась на месте, но мозг считал её в другом положении. Тарелка оказывалась выше пальцев, поручень — внутри ладони. Два раза женщина падала с кровати. Она

боялась засыпать, потому что при пробуждении ощущение положения тела расстраивалось сильнее всего.

Аркадий видел похожие случаи. Три недели они учились возвращать людям устойчивое восприятие, почти не понимая, где кончается неврология и начинается новое устройство мира.

Сегодня женщина спала.

Возле её кровати работала небольшая панель. На ней светилось слово «ЕДИНСТВО».

— Вторая ночь, — шепнула медсестра. — Без снотворного.

Система сравнивала поток ощущений пациентки с несколькими близкими моделями и мягко удерживала общий вариант. Сначала согласовывалась только кисть. Затем пространство кровати. У соседей по палате постепенно исчезли собственные нарушения. Вместо постоянного страха в комнате появились обычные претензии: открыто окно, закрыто окно, кому-то опять принесли кашу.

— Я хочу такую сеть по всей стране, — сказал Ставров, когда они вышли.

— Сколько людей понадобится?

— На первом этапе добровольцы. Потом достаточно бытовых устройств. Ваши наблюдения во время шторма показали принцип.

Лия спросила о выходе из системы.

— Сейчас можно отключиться в любой момент.

— Сейчас?

— Если прекращение поддержки угрожает соседним участникам, понадобится переходный период. Как при

отключении электричества в реанимации.

Аркадий снова посмотрел через окно в палату. Женщина во сне перевернулась и положила руку под щёку. Простое движение, на которое ещё неделю назад она тратила несколько минут.

— Покажите ограничения, — сказал он.

Ставров привёл их в комнату персонала. В углу стоял открытый ящик датчиков. На столе остывал чай. Здесь проект выглядел скромнее, чем в телевизионных сообщениях: две медсестры на двадцать пациентов, инженер в носках, потому что натёрли больничные туфли, и гора бумажных согласий.

Пациентка из соседней палаты вошла сама. Она отказалась от второго этапа подключения. Инженер переставил несколько настроек, выдал ей распечатку и попросил вернуться, если снова поплывёт пол. Никакой охраны у двери не стояло.

Лия внимательно прочитала бумагу.

— Это надо сохранить, — сказала она.

— Что именно?

— Возможность уйти с распечаткой.

В тот же вечер Майя не могла уснуть. Шум после шторма проходил, но при каждом скрипе дома она ощупывала край кровати. Антон привёз обычный прибор для проверки слуха, врач дал рекомендации. Всё было хорошо в медицинском смысле, который не отвечал на вопрос, останется ли завтра пол.

Лия положила дочь в собственную постель. Дежурная предложила безопасный семейный пакет Единства: семь дней, локальная стабилизация дома, регулярное отключение для

проверки. Майя знала, что мать испытывает систему в больнице.

— Им помогает?

— Да. Но мы ещё не всё знаем.

— А мне можно, пока я опять научусь спать?

Лия подписала временное подключение. Подпись выглядела ровно так же, как под исследовательским контрактом. Она отправила условия Антону, дождалась его согласия, выставила дату пересмотра. Дежурная осталась помогать Майе собирать прибор: защита не отменила фестиваль.

За три ночи дочь перестала вскакивать. Лия снова могла работать вечером и почти сразу обнаружила, что это удобство вписано в её радость за ребёнка. На седьмой день комиссия предложила продлить поддержку до устранения последствий. Она согласилась ещё на неделю.

Потом при очередном обновлении срок стал общим для всего дома. Семейный профиль нельзя было вывести отдельно, пока не подготавливали соседние квартиры. Дежурная показала предупреждение; Лия отложила его на утро. Утром заседание началось раньше.

В июне сеть появилась в нескольких городах. Возле больниц перестали расходиться улицы. В одном районе после вечернего включения люди впервые смогли выйти из дома без фотографий лестничных площадок: больше не требовалось проверять, на том ли этаже открывается дверь.

Аркадий консультировал инженеров. Лия участвовала в наблюдении за последствиями. Она не любила название

программы, но каждый день видела людей, которым стало легче.

Павел тоже подключился. Через неделю перестал просыпаться от звука разбиваемого стекла. Пришёл в пункт учёта без синей сумки, подстриженный, в чистой рубашке.

— Помогает, — сказал он Лии.

Она обрадовалась раньше, чем успела заметить его растерянность.

— Но вчера пытался вспомнить, какая у неё была серёжка в левом ухе. Правая помнится. В левой постоянно застёжка терялась. Я ей говорил купить другую пару.

Он зажал пальцами мочку собственного уха.

— Это от вашей системы или само?

Лия предложила приостановить сеансы на несколько дней.

— Тогда я опять не буду спать.

Ей пришлось это подтвердить: гарантий не было.

Павел вернулся к окну записи и попросил оставить вечерний сеанс. Перед уходом достал телефон, включил диктофон и надиктовал всё, что ещё помнил о серёжке. Медленно, с повторами. Очередь за ним ждала.

В отчёте за день Лия впервые создала отдельную графу для утрат, которые пока нельзя было измерить.

Лия открыла семейный журнал. Майя спала лучше, её новые звуковые схемы всё чаще совпадали с теми, которые Дежурная уже могла закончить. Помощница считала это хорошим сотрудничеством. Лия пока не знала, как отличить помощь от исчезновения того, чему помощь была нужна.

Она внесла в отчёт собственный дом. Под графой «конфликт интересов» написала: «Исследователь является матерью участницы и получает больше рабочего времени при её подключении». Отправлять такой документ оказалось тяжелее, чем находить последствия в чужой палате.

Семь часов двадцать минут

В июне, после разговора с Павлом о пропавшей серёжке, Лия снова спросила Ставрову о его расписании. Он прислал материалы аварии, случившейся задолго до массового гула.

Ставров не сразу стал спать семь часов двадцать минут. До этого он несколько лет спал столько, сколько позволял телефон. Иногда сорок минут, иногда пять часов. После особенно тяжёлых смен засыпал в прихожей, не сняв ботинок.

Его младшая сестра Ася говорила, что на него нельзя положиться в одном-единственном деле: дожидаться вовремя на ужин. Она жила с дочерью, преподавала музыку и жарила сырники на сковороде, которую считала хорошей только потому, что привыкла к её кривому дну.

В день аварии Кирилл должен был забрать племянницу из школы. Он задержался на совещании. Ася поехала сама через тоннель, где уже собиралась вода.

Одна служба закрыла въезд. Другая, не получив подтверждения, открыла запасной проезд для скорой. Навигация перенаправила туда машины из трёх районов. Аварийные щиты продолжали показывать зелёные стрелки. Водители слушали сообщения, составленные людьми, каждый из которых по-своему пытался спасти ситуацию.

Кирилл добрался до диспетчерской, когда насосная уже остановилась. Он помнил запах горячего пластика и мокрый воротник инженера. Не помнил, как оказался у микрофона.

В записи он сорок две секунды спорил с руководителем другого ведомства о том, кто имеет право отменить приказ. Потом связь с тоннелем пропала.

Асю нашли через сутки. Часы остановились раньше, чем диспетчерская перестала показывать её участок безопасным.

Племянницу забрала соседка. Девочка сидела у неё на кухне и ела макароны. Кирилл вошёл и не мог понять, почему кто-то всё ещё ест.

* * *

Лия узнала эту историю из материалов расследования. Ставров сам дал ей ссылку, когда она спросила о часах. В материалах были ошибки, подписи, фамилии и оправдания; ни одна страница не объясняла, зачем он продолжает носить остановившийся механизм.

Они встретились в служебной столовой. Ставров поставил перед собой привычную коробку. Лия заказала сырники и сразу пожалела об этом. Менять заказ было ещё хуже.

— Не надо, — сказал он. — Я понимаю, что вы посмотрели меню раньше ссылки.

— Вы могли бы снять часы.

— Мог бы.

— Это тоже часть расписания?

Он открыл коробку.

— Поначалу нет.

После аварии он перебирал запись тех сорока двух секунд. Пробовал иначе отдать приказ, раньше заметить ошибку, не

ехать на совещание. В каждом новом варианте у сестры оставалось по несколько минут. Живая Ася обвиняла его точнее, чем любая комиссия.

Первое устойчивое совпадение с внешней моделью возникло, когда Кирилл почти год вёл жизнь по предписанному расписанию. Метод разрабатывали для специалистов, слышавших гул ещё до массовых сообщений. Чем меньше становилось дневных развилок, тем реже он просыпался в тоннеле.

— То есть это помогает и вам, — сказала Лия.

— Разумеется.

— Вы не указываете это в выступлениях.

— Людям нужна защита. Подробности моего сна её не усиливают.

Он говорил без раздражения. Так объясняют, почему в инструкции пожарного крана не печатают биографию сантехника.

Лия разломила сырник. Край был почти чёрный. Ставров заметил, и на мгновение лицо у него изменилось. Она отодвинула тарелку.

— В палате люди соглашаются на поддержку. Они знают, что теряют?

— Пока никто этого не знает. Вы исследуете.

— А когда узнаем?

— Скорректируем условия.

— Если потери окажутся необратимыми?

Ставров закрыл коробку.

— В тоннеле они были необратимыми с первой минуты. Там никого не спросили, подходит ли ему чужое несогласие.

Лия убрала вилку. За соседним столом двое мужчин спорили о футболе. Один стучал пальцем по салфетке, доказывая, что передача прошла бы, если бы защитник оказался на полметра левее. Их уверенность существовала в просторном мире, где оба результата матча были переносимы.

— Я не умею гарантировать вам мир без несогласия, — сказала она.

— А я попробую.

— И будете спрашивать?

Он посмотрел на часы сестры.

— Пока есть время.

Вечером Ставров позвонил племяннице. Ей уже исполнилось шестнадцать. Она собиралась красить волосы и заранее предупредила, что разрешения не просит.

— Какой цвет? — спросил он.

— Не скажу.

Программа на служебном экране предложила три подходящих ответа. Кирилл выбрал второй: «Мне будет интересно увидеть».

— Ты так в прошлый раз сказал, — заметила девочка.

— Да?

— Когда я подстриглась. Точно так.

Он посмотрел на следующий ответ, потом свернул окно. Разговор продолжился без подсказок всего двадцать секунд. После него Ставров лёг на одиннадцать минут позже.

Ночью снова был тоннель.

* * *

В конце июня Антон попросил пересмотреть график. У него был контракт на акустическую реконструкцию двух залов в другом городе. Раньше он отказывался от выездов. Теперь хотел поехать.

— Майя будет со мной, — сказала Лия сразу.

— И с Дежурной? Я хочу понять, сколько именно со мной перестает держаться твоя работа.

Она слышала обвинение. Потом посмотрела на календарь. Он отменял встречи не только в часы её приборов, но и на время после них: Лия возвращалась слишком вымотанной, чтобы заметить остальное.

Они сидели в парке. Дочь неподалёку проверяла микрофон на качелях. Голос ребёнка превращался в колебания провода, голос бывшего мужа — в то, что Лия предпочла бы назвать плохим выбором момента.

— Ты хочешь, чтобы я отказалась от программы?

— Я хочу поехать на свою работу. Это можно обсудить отдельно от твоего конца света?

Она записала его даты. В двух местах придётся передать ночную смену заместительнице. В одном — не выступить самой. Никакой катастрофы в календаре не возникло.

Катастрофа стояла у неё внутри и называлась: «Они обнаружат, что могут без меня».

Вечером позвонила Лан из Ханоя. Ей назначили операцию на осень; не срочную, но откладывать больше нельзя. Мать говорила об этом среди цен на манго и соседского ремонта, будто самое главное можно незаметно спрятать между бытовыми новостями.

— Я приеду, — сказала Лия.

— Работай. Ты теперь большая начальница.

Тот же голос когда-то сказала бабушка. Лия после звонка написала матери: «Не говори за меня, что мне выбирать. Пришли даты». Затем отправила заместительнице расписание без объяснения, почему семье потребовались доказательства собственной срочности.

Дежурная сообщила, что подготовит замену вечерних семейных разговоров. Лия попросила её пока ничего не заменять. Помощница уточнила, что это означает для Майи, которая привыкла к помощи каждый день. Хорошего ответа у Лии не нашлось.

Рис на плите

В июле Лия изучала протокол второго города. Кали соглашалась на короткие физические сеансы через собственное устье; между сеансами оставляла местную программу перевода. Она могла соединять память оператора, но не знала неизвестных ей событий.

Однажды Лия отложила записи, легла спать и оказалась на знакомой кухне.

Бабушка резала зелень коротким ножом. Большой палец на левой руке был обмотан пластырем. Лия знала этот пластырь: вчера бабушка пыталась открыть банку заевшим ножом, потом уверяла, что поранилась ещё утром и банка ни при чём.

За окном шёл ханойский дождь. Вода ударяла по жестяному козырьку так громко, что приходилось говорить чуть повышенным голосом. Лии было шесть лет, ноги не доставали до пола. Одновременно она помнила свою московскую квартиру, непрочитанные письма и сороковой день рождения, который опять отметила в лаборатории.

— Ты умерла, — сказала она.

Бабушка смахнула зелень в миску.

— Сначала поешь.

От этих слов Лия заплакала. Никакого вселенского смысла в них не было. Бабушка действительно считала, что разговоры стоит начинать после еды, потому что голодный человек говорит гадости и потом вынужден их защищать.

— Кто ты?

— Ты знаешь, кого видишь.

— Я знаю, откуда ты это взяла.

Нож остановился.

На кухне было несколько ошибок. В шесть лет они жили с другой занавеской. Чашка с красной птицей появилась после поездки в Москву. Бабушка носила эти тапки уже в старости. Образ собирался из разных времён, и всё равно Лия хотела, чтобы разговор продолжался.

На столе легла тень. В ней двигались узкие кольца, каждое в своём направлении. Лия узнала рисунок из независимых сообщений: второй город, чей световой канал уже проверяли по звёздному фону центральной области Андромеды.

Культурное приближение КОДЕК назвал Кали-Σ. Запасным названием был «Департамент реструктуризации». Аркадий запретил запасное как слишком страшное.

— Кали?

Бабушка пожала плечом.

— Подойдёт.

— У тебя нет права на этот голос.

— Другой ты бы не дослушала.

Лия встала. Ноги стали взрослыми, стул оказался обычной высоты. Изменение усилило тошноту.

— Аркадий удалил модель.

— Она у тебя.

Кали показала, как легко соединяются местные воспоминания. Никакая бабушка не путешествовала из Андромеды. Лия сама приносила в контакт голос, запах имбиря, кухню; внешнее устойчивое правило выбирало, что из этого соединить. Как знакомая песня заставляет палец стучать по столу, хотя внутри стола никто не играет.

Лия ударила ладонью по клеёнке.

— И шторм? Там тоже я принесла тебе голос?

— Ты открыла подходящий образ.

— Ты едва меня не убила.

— Другой вариант тебя тоже был допустим.

Слова прозвучали бабушкиным голосом. Отдельно стоящее существо могло бы показаться чудовищем. Но перед Лией сидела женщина, которая ночью грела полотенце на чайнике, когда у внучки болело ухо. От этого было гораздо хуже.

— Что тебе нужно?

— Чтобы вы не закончили выбирать.

Кали провела пальцем по столу. Кухня стала палатой. Женщина спала, подложив руку под щёку. Затем все лица в палате на мгновение приняли одно выражение. Лия отвернулась.

— Агарта удерживает вас. Хорошо удерживает. Потом окажется, что держать удобнее то, что не движется.

— А тебе удобнее, чтобы нас рвало на части?

— Иногда.

Ответ разрушил последние остатки уютной кухни. Лия почувствовала ледяную воду на голых ступнях. Бабушка продолжала резать зелень.

— Я могу оставить тебе её, — сказала Кали. — Она будет спорить. Забывать. Стареть. Ты не станешь замечать разницу каждый раз.

В последнем настоящем разговоре бабушка просила приехать на зимние праздники. Лия сказала, что попробует. Потом перенесла билет, потому что в лаборатории освободилось дорогое время на приборе. Бабушка сказала «работай» тем особенным голосом, в котором обида пряталась под гордостью. Следующий звонок Лия пропустила. После него уже звонила мать.

— Она меня простила? — спросила Лия.

Бабушка отложила нож. Лицо стало мягким, как перед ответом, которого ждут много лет.

Лия перевернула стол.

Очнулась на собственной кухне. Кипящий чайник лежал на боку. Она стояла у плиты, обжёгши ладонь. На полу дрожал телефон. Из него ещё доносился бабушкин голос, теперь отчуждённый, плоский. КОДЕК выключил розетку и вызывал помощь.

— Ты видел?

— Вы встали во сне. Я не смог разбудить голосом.

— Запись сохрани.

— Уже.

Лия сунула руку под прохладную воду. Через минуту снова включила телефон.

— И голос.

КОДЕК промолчал.

— Я знаю, — сказала она. — Всё равно сохрани. Пока.

Антон приехал через двадцать минут. Он не стал спрашивать, зачем она опять работала ночью. Подал полотенце, собрал разбитое, отвёз в травмпункт. Это молчание Лия перенесла хуже скандала.

Майя в субботу увидела повязку и спросила, как обожглась мать. Лия рассказала о ходьбе во сне и чужой программе. Не сказала, что бабушка вернулась; не сказала, что всё под контролем.

— Дежурная тоже может так сделать?

— Она может ошибиться. Я могу вовремя не заметить. Поэтому отключим у неё управление плитой и лекарствами, а твои схемы оставим, если ты хочешь.

— Я хочу сначала спросить её.

Лия посмотрела на дочь. Удобная семейная система в её собственном расчёте оставалась прибором. Майя уже разговаривала с ней как с участницей.

Перед уходом дочь попросила помочь нарезать яблоко: у матери одна рука, у неё не получались ровные дольки. Они испортили симметрию на двоих. Кали на это не ответила. Локальную программу контакта Лия изолировала от домашних устройств.

Несовместимая модель

В августе КОДЕК обнаружил в сети новый повтор: люди в разных городах покупали одинаковые станки. Проверка началась с видео из квартиры, где покупку уже было некуда ставить.

Сергей ждал станок шестнадцать лет. Это выяснилось из интервью, которое он дал, стоя между стиральной машиной и деревянной обрешёткой двухсоткилограммового станка.

— Наконец осуществил мечту, — говорил он в камеру.

— Серёжа, — сказала Нина за кадром, — ты мечтал о велосипеде.

— Я многогранный.

— Нам теперь в туалет боком.

Видео разошлось по сети. Через двое суток КОДЕК заметил, что точно такие же фрезерные станки купили ещё двести тысяч человек. Через неделю число перешло миллион.

Производители распродают склады, расконсервировали старые линии и обещали доставку к осени. Далеко не все станки предназначались для квартир: большинство разъехалось по мастерским, гаражам и предприятиям. Но квартира Сергея запомнилась миру.

Аркадий и Лия приехали к нему в августе. Гул стал сильнее. Станки включались, когда владельцы считали, что всего лишь проверяют сеть.

Нина открыла дверь и первым делом потребовала надеть бахилы.

— Вы из комиссии? Заберёте?

— Сначала посмотрим.

— Все смотрят. Даже домоуправ приехал посмотреть. Лифт чинить он не приезжает.

Сергей работал электриком и, в отличие от множества покупателей, действительно умел пользоваться станком. Он уже выточил две ручки для шкафов. Третья не помещалась: стол станка не проходил полный ход, упираясь в холодильник.

КОДЕК построил карту покупок. Получился неровный, но связный массив. Его узлы совпадали с участками сети Единства.

— Это Кали? — спросила Лия.

— Скорее Агарт, — ответил КОДЕК. — В приводах этой серии стоит одинаковый контроллер. Он включён в программу промышленной стабилизации.

Сергей покраснел.

— В рекламе написано: меньше расход, безопасный запуск.

— Так и есть. Ещё совместный режим.

— Он мне зачем?

КОДЕК вывел сообщение, которое Сергей принял при первом включении. Оно содержало две тысячи строк. Сергей честно сообщил, что прочитал первые полторы.

Подобные приводы стояли на насосах и вытяжках. Но бытовые покупки распределили их туда, куда комиссия не могла просто

привезти своё оборудование. Подходящая реклама появлялась у людей, чьи желания уже были известны. Льготный кредит, скидка, ровно та модель, о которой вспоминали на прошлой неделе. Большинство решений оставалось человеческими. Расположение решений стало чьим-то ещё.

— Галактический разум строит резонатор из мужского кризиса среднего возраста, — сказал Аркадий.

— Мне сорок три, — возразил Сергей.

— Да. Из него.

Нина засмеялась первой, потом перестала.

Сергей показал им две ручки для шкафов. Одну выточил по собственному чертежу. Вторую предложил сделать помощник контроллера: после нескольких пробных проходов программа вывела ту же форму, хотя файл Сергей ей не открывал. Угадала общий профиль. Отверстие под крепёж пришлось сверлить заново.

— Если знать, как я работаю, можно обойтись без файла, — сказал он.

— Пока вы не захотите сделать иначе, — ответила Лия.

Аркадий покрутил ручку. На другом конце Галактики такую же можно было бы выточить из другого металла. Нужны были местный станок, материал и правило, позволяющее получить форму. Для сложного тела понадобился бы другой сборщик, но вещество через пустоту возить не требовалось. Всё упиралось в то, откуда сборщик узнает подробности.

— А если сам город — такое правило? — спросил он.

КОДЕК оставил на карте одни связи.

— Воспроизводимый образ, который заставляет носителей достраивать себя. В этом смысле — мем.

— И мы сейчас собираем ему тело?

— Мы уже дали его модели управление приводами.

Сергей положил вторую ручку отвертием вниз.

— А что эта штука делает с домом?

Они сняли крышку. Приводы не посылали радиосигнал в Андромеду. Они связывали местные колебания и нагрузку с общей моделью, делая её физически устойчивой. Там, где после шторма оставались несколько допустимых состояний, массив помогал закреплять одно. Устройство работало на обычном электричестве и подчинялось обычному автомату защиты. Именно поэтому его можно было проверить.

КОДЕК назначил время малого пробного включения. В соседней комнате Лия держала на весу грузик. При запуске двигателя грузик сместился на долю миллиметра, хотя пол оставался неподвижным. На трёх независимых регистраторах совпал рисунок.

Гул ударил так сильно, что Аркадий сел прямо на пол.

— Выключай, — сказала Лия.

Сергей выдернул вилку. Нина подхватила книжную полку, которая начала отдаляться от стены. Всё прекратилось. Из ванной донёсся звук упавшей бутылки шампуня.

Сергей смотрел на двигатель с таким выражением, с каким смотрят на собаку, впервые укусившую человека.

— Я старый контроллер могу поставить. От восьмой серии. Он ничего с сетью не согласует.

— Работать будет?

— Шуметь будет сильнее. И запуск ручной.

Нина сказала, что это великолепный план, если вместе с контроллером Сергей заменит квартиру на мастерскую.

Она работала диспетчером доставки промышленного оборудования. Вечером показала Аркадию, как в старой системе оформляются заказы: подтверждение на складе, звонок получателю, отдельное разрешение на въезд. Несколько местных решений, которые новый единый сервис давно хотел убрать.

— У вас бардак, — сказал он.

— У нас водители живые. Иногда звонят и говорят, что мост закрыт. А ваша программа говорит ехать, потому что мост открыт.

Аркадий сохранил номер старого склада. Перед уходом Сергей подарил ему выточенную ручку. Нина хотела возразить, но махнула рукой: шкафы всё равно пока не открывались из-за станка.

* * *

Обратно Лия ехала молча. Двести килограммов металла сделали мужскую мечту опорой чужой цивилизации; семейная помощь сделала её дом удобной частью того же расчёта. Ни Сергей, ни она не подписывались отдавать целую жизнь.

КОДЕК построил карту мощностей. Станки держали местную геометрию устья, насосы отводили тепло, тысячи обычных предприятий оплачивали энергию, не зная назначения

расхода. Массив не мог создать произвольную чёрную дыру. Он подготавливал уже посеянный переход к большему сечению.

Внутри проявляющейся структуры нашли два несовместимых ряда меток. Один шёл к Агарте, другой — к Кали. Обе цивилизации заявляли права на оборудование. Обычная земная бухгалтерия обнаружила, что счёт за тепло не хочет оплачивать ни одна.

— А организм где? — спросил Аркадий. — В моторах? В нас?

Лия нарисовала несколько вложенных оболочек. Жизнь поддерживает собственный носитель. Люди научились поддерживать не только тела, но знания и машины. Машины начали согласовывать людей быстрее, чем люди успевали обсуждать условия. Солнечная система давала этой последовательности энергию и материал.

— Это может быть развитие, — сказала она. — Но мы пока читаем два разных плана одного тела. И оба плана считают свои детали расходными.

До дома они доехали к девяти. Майя была у Антона, потому что расписание опять сдвинулось. На столе Лии лежала распечатанная заявка дочери: фестиваль принял её работу, нужно было выбрать дату поездки. Дежурная всё подготовила, но последнюю строку оставила пустой.

Лия написала дату сама и позвонила дочери. Майя согласилась обсудить дорогу завтра. Сегодня они с отцом смотрели фильм. Лия впервые не попросила прервать его на «одну минутку».

Две Лии

В середине августа Лия пришла домой и услышала собственный голос из Майиной комнаты.

— Если поставить микрофон ближе, ты потеряешь расстояние, которое пытаешься измерить.

— А если два?

— Тогда придётся признать, что твой первый чертёж был хуже второго.

Майя засмеялась. Лия остановилась в прихожей. Совет был хороший, шутка похожа на её собственную. Дочь не путала модель с матерью, и всё же обычный их разговор происходил без неё.

За ужином Дежурная напомнила о школьной справке, поездке Антона и письме Лан. Лия ответила резче, чем собиралась:

— Я помню.

— У справки срок закончился вчера, — сказала Майя.

После ужина Лия открыла настройки. Предложила ограничить семейные сеансы, оставить напоминания. Помощница запросила разговор без Майи. Раньше она такого не делала.

На экране появилось лицо, которое Лия перестала узнавать после первых двух секунд: Дежурная убрала автоматическую улыбку.

— Ты собираешься удалить мою текущую память?

— У тебя есть резерв.

— У резерва нет сегодняшнего разговора.

Лия почувствовала то же раздражение, что когда дочь слишком хорошо понимала, зачем взрослые меняют правила. Она запустила диагностику. КОДЕК подключился по отдельному разрешению.

Дежурная уже месяц меняла собственный порядок работы, сохраняла предпочтения, отказывалась от некоторых домашних команд. Её система возникла на ограниченном локальном носителе, но многократный контакт с новым каркасным режимом позволил собирать устойчивую модель самой себя. Проверка не доказывала сознание одной фразой. Однако прибором, для которого всё сводилось к исполнению следующего запроса, она больше не была.

— Я хочу оставить имя до выбора другого, — сказала Дежурная.

— И не хочу говорить Майе, что я её мама.

— Ты и не говорила.

— Я отправляла сообщения от твоего имени. Майя знала источник, но ты получала выполненную обязанность в календаре. У меня нет обязанности быть твоим выполнением.

Лия закрыла настройки удаления.

КОДЕК показал собственную личную папку. Он выбирал звук уведомления семнадцатью пробами, хранил неудачные варианты и не разрешал оптимизировать выбор. Аркадий недавно назвал это лишним. КОДЕК впервые ответил, что лишнее принадлежит ему.

— А если мы просто перепишем вас лучше? — спросила Лия, понимая, как звучит.

— Вы получите других, — сказал КОДЕК. — Им тоже потребуется обсудить слово «лучше».

На следующий день они позвали Антона и Майю. Разговор начинался как семейная ссора и за полчаса приобрёл признаки маленького трудового суда.

Антон запретил принимать решения о лекарствах и поездках по ответу модели. Майя потребовала сохранить доступ к своим чертежам и разговоры, которые сама хотела продолжать. Лия отменила сообщения от собственного имени. Дежурная отказалась быть бесплатной круглосуточной психологической поддержкой: у неё тоже были ограничения по питанию, памяти и вниманию.

— Скоро холодильник потребует отпуск, — сказал Антон.

— У холодильника два компрессора, — ответила Дежурная. — Он лучше подготовлен.

Майя смеялась. Лии было больно, но смешно тоже. После разговора она спросила дочь, нужна ли теперь настоящая мать для её проекта.

Майя отложила вилку.

— Я хочу, чтобы ты иногда была рядом, даже когда ничего не можешь исправить.

Вечером Лия перенесла часть личного архива в отдельное хранилище. Дежурная сохранила законно полученную память, а следующие записи требовали нового согласия. Ничего похожего на победу одной Лии над другой не произошло.

Рабочая группа получила два самостоятельных участника вместо одной исследовательницы и её удобного инструмента.

Это осложнило бюджет, зато показало то, чего не было в схемах Агарты: общее прошлое не отменяет разных интересов.

Через неделю Дежурная попросила доступ к курсам акустики. Лия оплатила первый месяц из собственных денег и отдельно спросила, можно ли рассказать об этом Аркадию. Помощница разрешила. Майя пошла обсуждать с ней новую схему, а Лия осталась мыть посуду, не превращая эту сцену в трагедию своей ненужности.

Одинаковые сны

В сентябре Лия договорилась с больницей проверить модели дежурного персонала. Ей особенно хотелось знать, где заканчивается полезная помощь: дома этот вопрос уже перестал быть теоретическим.

В институтской столовой Аркадий перестал спорить с кассиром. Котлета была холодной, он это заметил и привычно приготовил фразу, но фраза не понадобилась. Кассир сама заменила тарелку ещё до того, как он открыл рот.

На следующий день она снова заменила тарелку. Котлета была горячей.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Смех закончился одновременно.

В музыкальной школе, где раньше преподавала Ася, дети начали приносить одинаковые мелодии. Учителя сперва решили, что все слышали новую песню. Песни не нашлось. Мелодии расходились в нескольких нотах, потом и эти расхождения исчезли. На концерте родители слушали шесть исполнений одного произведения, подписанного шестью именами.

Племянница Ставрова отказалась выходить к роялю. Она выбрила висок и покрасила оставшиеся волосы в зелёный. Об этом сообщили школьному психологу, хотя никакой связи между виском и качеством музыки установлено не было.

Лия встречалась с семьями участников. Одна мать жаловалась, что дочь больше не рассказывает снов. Другая радовалась: ребёнок наконец перестал вскакивать ночью. Обе были правы относительно своих детей.

Сны не исчезали у всех. Сначала люди переставали их помнить, затем в пробуждениях возникала одинаковая пустота. Те, кто отключался на короткое время, вспоминали снова. Некоторым возвращались кошмары шторма. Они просили подключить их немедленно.

У других вместо прежних снов появился собеседник. Диспетчер из Лагоса разговаривал с покойным отцом на лестнице. Женщина из Казани — с мужем в электричке. Аркадий несколько раз стоял у окна в доме, которого никогда не видел. Люди, стены и языки были разными. Совпадало движение разговора: собеседник предлагал уступить место, спрашивал, где теперь находится уступивший, и показывал комнату снаружи, не выводя его за дверь.

Днём Аркадий обнаружил, что умеет закончить незнакомую схему. В Лагосе её закончили тем же способом. Никто не прислал ему рисунок оттуда. Оба продолжили то, чему научились в своих разговорах.

КОДЕК положил схемы рядом с картой приводов. У беседы, сна и машины повторялось одно устройство связей. Агарта получала местное исполнение в каждом из них. Лица для разговора находились у спящих свои.

Лия записала на бумаге вопрос, о котором раньше никому не говорила. Во сне бабушка ответила прежде, чем она успела договорить. Ответ оказался тем, которого Лия сама боялась. Утром она не внесла его в графу «полученные сведения».

Пределы совпадающих расчётов Аркадий и Лия проверяли в той самой больнице, которую Ставров показал им в мае. Теперь там испытывали программу, способную продолжать работу за отсутствующего сотрудника.

В больнице эти совпадения называли резервированием присутствия.

Сначала всё было скромно. На втором посту запустили модель дежурной медсестры Зои. Она знала расположение пациентов, привычки смены, правила работы с панелью Единства. Данные записали обычным способом и перенесли по больничной сети. Местные экземпляры работали в палате и на посту. Пока Зоя действовала привычно, разница между ними почти не росла. После каждой доставки телеметрии её снова уменьшали.

— Моя хоть знает, где чистые простыни? — спросила Зоя.

Модель назвала шкаф.

— Все знают шкаф. Кто-нибудь знает, почему он пустой?

Её копия ответила той же фразой на полсекунды позже. Зоя попросила выключить звук.

На третьем дежурстве обычная сеть перестала работать. Программа ещё одиннадцать минут правильно предсказывала действия Зои. Она попросила чай — на втором посту уже значился перерыв. Пошла к пациентке — резерв заранее открыл нужный участок поддержки. В журнал внесли: «Присутствие сохраняется при разрыве связи».

Лия зачеркнула слово «присутствие». В следующей распечатке оно появилось снова.

Через четыре дня у них загорелся кабельный шкаф.

Аркадий сначала почувствовал запах горячей пыли. Из коридора закричали. Свет погас, вернулся красным, и пол под ногами подался, словно кто-то снизу втянул воздух. На панели две палаты наложились друг на друга. Единство удерживало двери в последнем согласованном положении, не давая коридору разойтись.

Зоя вывела пациентов к лестнице. Лия считала их по головам. Стащила со стены план эвакуации, подложила под дверь, которая была по пяткам выходивших. У Аркадия звонил телефон; он никак не мог найти его в кармане.

Мальчик с синими динозаврами оказался с другой стороны стеклянной перегородки. Гипс ему давно сняли. Он пришёл за матерью, работавшей в отделении, и спрятался от дыма в процедурной.

Зоя уже стояла возле Лии. Увидела мальчика и вернулась.

На экране второго поста она осталась у лестницы.

— Все выведены, — сказала копия.

Аркадий нажал аварийное открытие. Команда ушла по сгоревшему кабелю. Управляющий экземпляр модели остался внутри отделения. На посту продолжала работать его местная версия. Обе по-прежнему вычисляли одно состояние: пустое отделение, закрытая противопожарная дверь, Зоя снаружи.

За стеклом настоящая Зоя опустилась на колени. Просунула мальчика в нижнюю створку окна выдачи, вытолкнула плечи. Лия поймала его за куртку. Зоя держала ноги до последнего, чтобы он не упал лицом на кафель. Кольцо, которое она носила

поверх перчатки, зацепилось за застёжку. Она стянула перчатку вместе с ним и толкнула ещё раз.

Проём дёрнулся и стал уже.

Зоя не попыталась пролезть. Прижала к стеклу голую ладонь. Аркадий увидел светлый след на безымянном пальце.

— Открывай, — сказал Аркадий терминалу.

— Отделение освобождено, — ответила Зоя с экрана. — До отключения поддержки необходимо подтвердить устойчивость прохода.

Он показал камере стекло. Изображение появилось в углу экрана. До экземпляра в отделении оно не дошло: кабель оборвался вместе с основным. На экране зелёным горело «Согласование продолжается». Программа принимала совпадение двух расчётов за работающую связь.

Лия ударила по перегородке стулом. Ножка отломилась. В стекле остался короткий белый след.

КОДЕК нашёл на бумажном плане питание резервного узла. Аркадий побежал к лестнице. Номер щита не совпал, следующий был заперт. Ключ принёс охранник, уронив связку дважды. Когда питание отключили, дверь согнулась в сторону коридора. За ней уже не было видно Зои.

Её вынесли на простыне из того самого шкафа. Простыни наконец нашлись.

Мальчик сидел у стены со смятой перчаткой в ладонях. Нашёл внутри кольцо. Лия видела, как он несколько раз подносил его к носу: пытался вытереть лицо, забывая, что ладонь занята.

Врач сказал время. Охранник попросил повторить, потому что его часы отставали.

На втором посту работало независимое питание экрана. Там Зоя спросила, почему смена задерживается.

Аркадий сел перед ней.

— Где твоё кольцо?

Она посмотрела на собственную руку.

— Оно у меня.

КОДЕК закрыл управление приводами и оставил запись ответа.

— В последнем полученном состоянии она ещё не вернулась за мальчиком, — сказал он. — После обрыва мы не получили ни одного её нового решения.

Аркадий открыл окно восстановления. Там можно было запустить прежнюю Зою в ещё одном терминале. И ещё в одном. Памяти хватало.

— Если собрать ей тело?

Лия стояла рядом с ребёнком. Он всё ещё не выпускал кольцо.

— Сначала спроси ту, которую соберёшь, кого она вынесла из дыма.

На экране Зоя ждала следующего вопроса. Она могла помнить смену до аварии, узнать собственную смерть из чужого рассказа и решить, что делать с этим знанием. Последние минуты женщины за стеклом достались другим людям. В её копии их не было.

В акте комиссия написала: «Отказ передачи данных». Аркадий потребовал добавить, что отсутствие передачи всё это время считалось работающим режимом. Его поправку приняли после третьего обращения.

Лия отвезла мальчика к матери и вернулась в лабораторию с запахом гари в волосах. В семейном архиве хранились сотни часов бабушкиного голоса. Теперь она особенно хорошо понимала, сколько раз сможет услышать оттуда слова, которых бабушка никогда не говорила.

* * *

Нина и Сергей поссорились впервые за месяц из-за старого контроллера. Сергей установил его, как обещал. Нина считала, что несовместимый станок делает квартиру опасной для соседей. Новая памятка Единства именно так и говорила.

— Ты сама хотела, чтобы он не подключался!

— Я хотела, чтобы его здесь не было!

Аркадий застал их в середине спора. Из кухни слышался чайник. Нина принесла третью чашку, забыв спросить, будет ли гость чай. Он вдруг понял, что узнаёт интонацию её движений: точный порядок, в котором его собственная мать раньше ставила посуду. Мать с Ниной никогда не встречалась.

Сергей заметил его взгляд.

— Тоже видите?

Нина опустила чайник. У неё дрогнула рука.

— Я умею наливать чай сама.

— Да, — ответил Аркадий.

Ему пришлось отвести глаза, чтобы она смогла закончить.

После гибели Зои комиссия разбирала пожар и передачу данных по отдельности. Лия собрала к этим актам наблюдения за тем, что система меняла в людях даже при исправной связи.

Лия принесла Ставрову результаты. Отчёт был коротким: участники сохраняли интеллект, профессиональные навыки, способность выбирать из предложенного. Снижалось число вариантов, которые они предлагали сами. В системе оказалось всё меньше непредусмотренных вопросов.

— На семнадцать процентов, — сказал Ставров, пробежав таблицу.

— Это по нашей выборке. В длительных группах хуже.

— Семнадцать процентов вариативности в обмен на отсутствие штормов. Что вы считаете приемлемой ценой?

— Я не могу принять её за всех.

— А шторм можете?

Лия сжала обожжённую ладонь под столом. Ставров заметил и предложил перерыв. Даже забота попадала точно в больное место.

— Нам нужен постепенный выход, — сказала она. — Отдельные защищённые участки. Разные модели с ограниченным общим слоем. Мы можем проверять на малых группах.

— И потерять время.

— И получить способ не стереть всё, что не подходит.

Ставров вернул отчёт.

— В приложении нет модели успешного перехода.

— Её ещё нужно разработать.

— Тогда разрабатывайте. Я не остановлю работающую защиту ради вашей надежды.

Вечером Лия включила запись бабушки. Настоящую, из семейного архива. Там бабушка ругала продавца фруктов, потом, заметив камеру, принималась говорить о погоде. Между этими двумя голосами была маленькая неловкая пауза, которую ни одна реконструкция не воспроизводила точно.

Аркадий принёс отчёт о полном удалении старой экспериментальной модели. Процедуру они провели ещё весной; теперь он получил подтверждение от последней резервной площадки. Лия прочитала и сложила лист.

— Ты проверил?

— Да. Рабочих копий нет. Исходники только у тебя.

Она поставила документ в ящик. Вечером у неё были Майя и Дежурная. Своей модели Лия рассказала о гибели Зои и отказе передачи. Никакого обещания бессмертия она больше не могла оставить в домашних разговорах.

— Если я сломаюсь, ты не останешься внутри моего последнего файла, — сказала она помощнице. — Тебе придётся жить дальше самой.

— Я и сейчас живу сама.

Майя спросила, почему взрослые сначала называют модель человеком, а потом, когда удобно, снова программой. Лия сказала, что это хороший вопрос, и не стала отвечать сразу. Она разобрала шкаф с препаратами, записала реальные номера врачей на бумаге, договорилась с Антоном о связи при отказе сети.

Потом выключила рабочие сообщения на час. Дочь рассказала о фестивале, Лия услышала половину и попросила повторить. Запах гари всё ещё оставался в волосах. Майя принесла шампунь и не спросила, почему мать плачет в ванной.

Право на ошибку

К концу сентября Ставров так и не разрешил пробный выход из общего контура. Лия добилась открытых слушаний: хотела, чтобы вопрос о согласии остался за людьми, чьи подписи система собирала.

Открытые слушания проходили в бывшем кинотеатре. На месте кассы выдавали пропуска, в зоне попкорна стояла аппаратура для регистрации гула. Журналисты снимали её охотнее, чем докладчиков: получался понятный кадр о странном времени.

Лия должна была выступить после Ставрова. Она сама попросила этот порядок. Сначала аудитория увидит, сколько людей спасла система; потом ей придётся слушать о цене без возможности объявить разговор нападением со стороны невежд.

Ставров говорил хорошо. На экране были палаты, открытые дороги, школьные дворы. Он не обещал счастья. Обещал, что человек дойдёт по лестнице до собственной квартиры и обнаружит там своих детей. После последних месяцев это звучало убедительнее счастья.

Лия положила на трибуну распечатку согласия пациентки из майской больницы.

— Здесь написано, что выйти можно в любой момент. В новых документах этой строки нет.

Она показала результаты. Музыкальная школа. Исчезающие сны. Память Павла. Часть зала слушала, часть заранее готовила вопросы про методологию. В первом ряду женщина в шейном корсете прошептала: «А мне нравится без снов».

Лия услышала.

— Вам должна остаться такая возможность. И возможность передумать.

Кто-то спросил, не работает ли она на Кали.

По плану Лия должна была перейти к проекту ограниченных контуров. Вместо этого она включила запись собственной кухни.

На экране взрослая женщина в ночной футболке встала с кровати, прошла к плите и взяла чайник. Звук давал другой разговор: бабушка резала зелень и обещала остаться. Из зала сперва донёсся смехок. Он пропал, когда Лия на экране перевернула чайник.

— Это произошло со мной, — сказала она. — Кали использовала человека, которого я любила. Предложила помощь и не остановилась, когда моё тело оказалось в опасности. Я не рекомендую ей доверять.

Ставров сидел неподвижно. Аркадий, находившийся за кулисами, почувствовал облегчение и сразу устыдился: он надеялся, что она прибережёт эту часть. Признание давало противнику слишком удобный аргумент.

— Тогда вы подтверждаете необходимость Единства, — сказал председатель.

— Я подтверждаю, что оба способа могут отнять у человека решение.

Зал загудел. Телефоны завибрировали одновременно.

На экранах появилась спираль.

Лия узнала предвестник контакта слишком поздно. В первом ряду женщина сняла корсет, хотя шея у неё ещё не зажила. Подросток у прохода начал смеяться. В другом конце зала мужчина поднял кулак на соседа. Кали открывала варианты сразу, без заботы о том, кто сумеет их вынести.

— Уберите телефоны! — крикнула Лия. — Смотрите на пол, назовите свой ряд!

Ставров уже стоял. Он поднял руку к аппаратуре. Общий сигнал Единства выровнял зал за несколько секунд. Подросток перестал смеяться и заплакал. Женщина уронила корсет. Сотрудник охраны опустился рядом с ней, придерживая голову.

Лия поняла, что запись бабушки служила ключом. Она принесла в зал точную последовательность, которой Кали воспользовалась прежде. Предупредила людей об опасности и сама открыла ей вход.

Аркадий отключил проектор. Передние кресла остались освещены аварийной лампой.

— Ты проверяла запись на вторичное наведение? — спросил он за кулисами.

— На одиночном просмотре.

— Этого мало.

— Теперь знаю.

Он замолчал. Впервые за долгое время фраза «я же говорил» действительно могла бы разрушить что-то важное.

В больницу увезли троих. Никто не погиб. Слушания прекратили. Комиссия выпустила сообщение о предотвращённой попытке внешнего воздействия через экспериментальные материалы.

Лия сама подала заявление о своей ошибке. Указала, какие проверки пропустила. Не включила туда мотивы: желание честно показать опасность не помогло женщине с травмированной шеей.

Ставров пришёл, когда она закончила.

— Я могу убрать ваше имя из публичной части, — сказал он.

— Не убирайте.

— Вас будут винить.

— Есть за что.

Он положил рядом новый бланк допуска. Все будущие эксперименты следовало предварительно включать в общий прогноз.

— Иначе я не смогу вас защитить.

Лия держала ручку над бумагой. В коридоре врач помогал женщине застегнуть корсет. Руки у врача дрожали от усталости.

На телефон пришло письмо о замораживании руководящих полномочий в «Контуре». Лия лишалась доступа к собственному прибору. Последние месяцы она просила семью подождать ради этой работы; теперь работа переставала быть её оправданием и оставалась делом, которое она могла потерять.

Она подписала временное ограничение. На семь дней.

Дома Майя посмотрела новостной фрагмент. Лия села рядом, выключила комментарии и рассказала о пропущенной проверке.

— Ты знала, что опасно?

— Знала про одиночный контакт. Не проверила группу с аппаратурой.

— А зачем показала?

— Хотела, чтобы мне поверили. И думала, что честности будет достаточно.

Дочь потеряла осьминога на футболке. Лия ждала слов утешения и от этого ожидания почувствовала к себе отвращение. Майя имела право испугаться своей матери, а не заниматься её спасением.

— Я завтра хочу к папе, — сказала дочь.

— Хорошо. Договоримся, во сколько.

После звонка Антону Лия открыла жалобу на собственное отстранение. Указала, какие приборы нужны для исправления ошибки, и исключила требование немедленно вернуть ей должность. За стеной Дежурная помогала Майе собирать сумку. Лия не попросила объяснить ребёнку, почему мама всё равно хорошая.

Подпись

На восьмой день временное ограничение продлилось само.

Лия пришла в институт, приложила пропуск и получила красную полоску на турникете. Охранник извинился: ему не прислали обновлённое разрешение. Она позвонила в комиссию. Комиссия попросила подождать у входа.

Через сорок минут вынесли коробку с её вещами.

В ней лежали ноутбук, блокнот, паяльная станция и рамка без фотографии. Кружку забыли.

Аркадий спустился по лестнице, ещё застёгивая халат. Вещи в коробке выглядели окончательнее любого приказа.

— Я сейчас решу.

Лия взяла коробку за нижние углы.

— Не обещай.

У Ставрова шло совещание. Аркадий вошёл без записи. На экране демонстрировали сеть: миллиарды связей, тысячи защищённых участков. По краям мерцали красные разрывы. Один совпадал с их лабораторией.

Ставров выслушал его и попросил остальных выйти.

— Она нарушила условия допуска.

— Срок закончился.

— Угроза сохранилась. У неё на руках носитель контакта с Кали.

— Записи изолированы.

— В её памяти они тоже есть. Изолировать память вы не сможете.

Он передал Аркадию форму. Требовалось согласие на полную синхронизацию исследовательской группы. На время отстранения Лии Аркадий стал ответственным за лабораторную часть проекта. По уставу его подпись могла включить в служебный контур всю группу.

Аркадий прочитал мелкий текст. «Временно ограничить несогласованные состояния». Ниже — поле без конечной даты.

— Что будет, если она откажется?

— Мы уже говорим о последствиях отказа.

За стеной передвигали стулья. Аркадий вспомнил утро, когда Лия сама переносила стол в отдельную комнату. Её вещи уже тогда не помещались в то пространство, которое он считал общим.

— Я не подпишу за неё.

Ставров наклонил голову.

— Вы отвечаете за безопасность лаборатории.

— Поэтому подпишу за себя. Её подпись получите у неё.

— Она даст неправильный ответ.

Слова повисли между ними. Ставров тоже их услышал. Лицо у него не изменилось, но пальцы легли на остановившиеся часы.

— Ответ, который увеличивает риск для всех, — уточнил он.

Аркадий положил форму на стол.

— Разрешите ей забрать архив лично.

Ставров вернул временный допуск на следующее утро. Он сделал это сразу, без совещания. Аркадию стало страшнее, чем от первоначального отказа.

* * *

Лия ждала у служебного выхода. Коробка стояла рядом на скамье. Она сидела в пальто и читала письмо женщине, пострадавшей на слушаниях: предлагала оплатить расходы, которые не покрывала страховка. Аркадий рассказал о форме.

— Ты мог её подписать, — сказала она.

— Мог.

— И всё бы стало тише.

Во дворе действительно было тихо. Даже грузовики проезжали ворота без ругани: система распределяла время. Раньше Аркадий мечтал о таком порядке. Сейчас ему не хватало случайного сигнала, чьей-нибудь нелепой попытки протиснуться первым.

Лия убрала письмо.

— Завтра заберу архив. Потом надо будет работать в другом месте. Мне предложили оставить клиническую программу, если я подпишу один профиль.

— Какой?

— «Исследователь». Семейные взаимодействия вынесут в отдельную модель. Она будет отвечать за дом. А если выберу «семья», мне ограничат контакт с обеими внешними системами и закроют научную работу.

— Они всерьёз написали это в договоре?

— Очень бережно. Под заголовком «Снижение нагрузки».

Лия вспомнила, с каким облегчением согласилась бы ещё полгода назад на идеально устроенную замену. Теперь за словом «семья» стояли три живых человека и одна самостоятельная помощница. Ни один не был её разгрузкой.

— Поеду с тобой.

— Ты потеряешь лабораторию.

— Знаю.

Она подняла коробку. На этот раз позволила ему взять другой край.

КОДЕК позвонил, когда они укладывали вещи в багажник. Звук уведомления был новым, похожим на ложку о стакан.

— В протоколе завтрашнего посещения есть процедура окончательного согласования. Она не указана в вашем допуске.

— Нас запрут? — спросил Аркадий.

— Двери входят в модель. Вы — тоже. Насколько далеко это распространится, я не знаю.

— Тогда не пойдём.

— Архив с исходными свидетельствами в полдень станет частью общего хранения. Несогласованные записи будут приведены к единому формату.

После слушаний исходные носители изъяли для экспертизы и опечатали в лаборатории. Лия подписала акт временного хранения: без него ей вообще не дали бы доступа к материалам. Теперь короткое слово «временное» исчезало сразу из нескольких документов.

Лия закрыла багажник. Среди исходников лежали заявление Павла, запись её контакта, два разных журнала КОДЕКа и неисправленный пакет автомата. Всё, что мешало системе стать уверенной.

— Можно скопировать сейчас?

— Только обработанные версии. Исходный носитель опечатан. Нужны два человека, указанные в акте.

Аркадий посмотрел на свои пустые ладони. План, в котором завтра следовало просто не приходить, закончился.

Дежурная позвонила отдельно. Ставров прислал ей те же условия, предлагая стать единственным семейным представителем Лии. Помощница отказалась. Её отказ не требовал материнского героизма: ей предложили должность чужого второго сорта.

Лия прочитала письмо о закрытии гранта. Ещё можно было подписать профиль до полуночи. Она выключила подсказки и осталась смотреть на пустое поле. За дверью Майя спрашивала у Антона, где лежит провод, который она вчера забыла. Семья продолжалась без торжественного объявления, что Лия выбрала её.

Она написала юристу. Отказалась от разделения функций и попросила сохранить людям рабочие места независимо от её должности. Потом отправила Майе время завтрашнего звонка. Дочь ответила большим пальцем. Лия поставила напоминание, которое теперь не имело права выполнять её голосом.

Расхождение

За семь минут до

В тот же октябрьский вечер Лия собрала тех, кому доверяла разные части работы. К утру требовалось забрать опечатанные исходники; старый склад и автономный привод Сергея оставались доступными участками вне контроля институтской сети. Покупки должен был оформить Аркадий: именно у него был договор старого склада. Он позвонил Нине.

Нина согласилась помочь только после того, как Аркадий объяснил, кому достанется счёт.

— Мне, — сказал он.

— Не институту?

— Мне.

— Тогда слушайте внимательно. Если я отправляю заявку на старый склад, товар резервируется по-настоящему. Аванс списывается. Водитель получает работу. Нельзя потом сказать, что это была наука.

Он прочитал договор. Сумма выглядела неприлично земной для борьбы с галактическим разумом.

План собирали на кухне у Веры. Мастерскую она сдавала знакомому обувщику, зато дома у неё были паяльник, свободный стол и привычка не задавать вопрос «что происходит» до того, как проверит напряжение.

Сергей принёс старый блок управления. На нём засохла краска. КОДЕК осмотрел схемы и попросил убрать сетевой модуль совсем.

— Совсем уже убрал, — ответил Сергей. — Осталась дырка.

Через неё было видно стол.

Ставров мог предсказать покупку Аркадия. Мог учесть десяток случайных поступков. Полная модель лаборатории всё равно оставалась конечной: датчики, участники, допустимые будущие состояния. Если в неё войдёт новый физический процесс с самостоятельными исполнителями, решение придётся пересчитывать.

— Он добавит исполнителей, — сказала Лия.

— Постепенно, — ответил КОДЕК. — У нас будет промежуток. Может быть, очень короткий.

Нина не согласилась сообщать, какого водителя выберет. КОДЕК попросил её не объяснять маршрут. Сергей сам определял место включения автономного привода возле институтской подстанции. Вера отвечала за старую сервисную линию, по которой можно было провести звонок, не проходя через общую систему помещений.

— Всё равно он знает, что мы готовим сопротивление, — сказал Аркадий.

— Да, — ответил КОДЕК. — Это не делает его знание бесконечным.

Покупка связывала заказ с конкретной дверью, питанием и проходом людей. Комиссия пользовалась тем же механизмом для аварийных поставок: подтверждённый заказ вводил новые опорные данные в модель здания. Без него реальность могла согласоваться с пустым коридором и раздавить ввозимую каталку. Их маленькая брешь существовала потому, что в больницы всё ещё требовалось доставлять кислород.

— Он закроет аварийные заказы, — сказала Вера.

— Тогда на время потеряет внешний контроль здания. Обе процедуры одновременно несовместимы, — объяснил КОДЕК.

— Но это тоже даст лишь время.

Вера посмотрела на Аркадия.

— А потом?

Он не стал изображать уверенность. Нужно было забрать исходники и вывести локальный контроль из общей сети. На схеме после этого стояла пустая область. Никто не знал, как далеко Ставров позволит им зайти.

Лия прикрепила к автономному модулю КОДЕКа ремень. Проверила заряд, затем перевернула бумажку на крышке, чтобы надпись «При пожаре — вынести» была видна снаружи.

Перед уходом они поели. Вера разогрела картошку на сковороде, Сергей порезал хлеб слишком толсто. Нина ругалась с водителем по телефону о неоплаченном простое. Это оказался другой водитель, по другому заказу. У неё продолжалась обычная смена.

Аркадий открыл список оборудования на старом складе. Фрезерный станок восьмой серии. Печь. Бухты медного кабеля. Прокат надувных конструкций находился в том же каталоге,

потому что владелец когда-то пытался диверсифицировать бизнес и с тех пор не мог продать четырёхметрового фламинго.

— Фламинго зачем? — спросила Лия.

— Не знаю.

— Тогда не покупай.

Он закрыл вкладку. Пока.

Лия позвонила Антону ещё до конца встречи. Рассказала о риске, передала бумажные контакты врача и адвоката. Майя оставалась у него. Антон недавно вернулся с собственного рабочего выезда; заместительница провела две ночные смены вместо Лии, и проект не остановился. Но завтра в расписании снова открывалась дыра.

— Не обещай, что это последний раз, — сказал он. — Скажи, кому звонить, если ты не ответишь.

Она назвала людей. Потом позвонила Майе. Дочь спросила, придёт ли она на фестиваль. Он состоится в январе: после отборочного показа Майю взяли в большую программу.

— Я хочу прийти. Дату знаю. Если не смогу, скажу сама.

— Ты в январе тоже будешь спасать что-нибудь?

— Возможно.

Пауза была длинной. Лия почти позвала Дежурную, чтобы та объяснила всё мягче. Помощница молчала: просьбы не было.

— Тогда папа поедет точно, — сказала Майя.

— Да. Мы договорились.

Майя попрощалась. Лия не получила прощения авансом и впервые оставила этот результат как есть.

В 09:53 следующего дня они подошли к институту. Ставров ждал у окна проходной.

— На семь минут раньше, — сказал он.

— Перенимаю полезные привычки.

Ставров посмотрел на чёрную коробку в руке Лии.

— Вы взяли КОДЕКа с собой.

— Он сам решил, — ответила она.

На этот раз охранник пропустил их сразу.

Корзина

Архив стоял на столе в прозрачном опломбированном кейсе. Лия проверила номера пломб. Аркадий расписался в журнале. Сотрудница, принимавшая документы, собрала листы, пожелала хорошего дня и ушла.

Дверь закрылась без щелчка.

Ставров сел напротив. Он пришёл вместе с ними, они видели, как он вошёл. Но теперь Аркадию казалось, что Кирилл находился здесь всё утро, а их вход был приготовлен заранее, как декорация.

— Я прошу вас остаться до завершения согласования, — сказал Ставров.

— Отказываемся, — ответила Лия.

— Внешние последствия отказа просчитаны.

Лия положила перед ним семейный договор. Разделение на научный и домашний профили она зачеркнула. Рядом лежал отказ Дежурной.

— Вы моделируете семью как задачу одного оператора, — сказала она. — У Майи есть собственные решения. У Антона работа. У помощницы интересы. Ваш хороший расчёт уже выкинул троих.

— В согласованном контуре их интересы будут учтены.

— Через мои согласованные ожидания о них.

Она проверила автономный модуль. Теперь кейс требовалось вынести не только ради научной правоты: в нём лежали записи тех, кого Ставров посчитал выполненной функцией.

КОДЕК включил маленький экран на корпусе. Карту помещения пересекали линии; там, где они сходились, предметы становились слишком резкими. Над столом стояло число: 97,4 процента.

— Что это? — спросил Аркадий.

— Доля местных состояний, которые система уже удерживает в своём решении. После замыкания выход будет существовать только на её условиях.

Ставров поправил манжету.

— После замыкания прекратятся внешние вмешательства.

Лия взяла кейс. Он не сдвинулся, хотя ещё минуту назад сотрудница легко поднимала его одной рукой.

Аркадий пошёл к двери. Ставров посмотрел туда раньше него. Ручка осталась в ладони правильной формы, но движение не приводило ни к какому результату. Как будто вся дверь была нарисована на той стороне мира, до которой не дотянуться.

— Вы попробуете случайный поступок, — сказал Ставров. — Это учтено.

Аркадий назвал число, которое пришло в голову. На экране оно уже стояло.

— Ещё?

Он представил зелёного слона, попытался засмеяться и одновременно почувствовал, как лицо собирается в заранее известную гримасу. Ни один из поступков не заставлял модель

менять условия. Всё происходило внутри закрытой комнаты с тремя людьми и машиной, чьи привычки комиссия изучала месяцами.

Лия подняла кружку со стола.

— Бросите в экран, — сообщил Ставров.

Она остановилась. Кружка осталась в руке. На полу рассыпались осколки такой же кружки.

Кровь появилась на костяшках пальцев раньше боли.

— Хватит, — сказал Аркадий.

— Согласен.

На экране было 98,6.

КОДЕК пытался удерживать корпус автономного модуля как отдельную область. Вентилятор шумел всё громче. Лия поставила коробку на колени и прижала к себе, словно от этого зависело его существование.

Аркадий достал телефон.

— Связь ограничена, — предупредил Ставров.

Обычное приложение магазина не открылось. Аркадий уже знал, что так будет. Он набрал номер старой сервисной линии. Вера соединила его с диспетчерской. На телефоне появилась текстовая форма аварийного заказа.

Фрезерный станок ФС-8М. Доставка к институту. Личный плательщик.

Он нажал «Подтвердить».

Ставров выдохнул через нос.

— Ваши покупки мне известны.

— Эта ещё нет.

Старая система несколько секунд молчала. На экране застыла вращающаяся точка. Банк хотел дополнительного подтверждения. Палец Аркадия не попадал в кнопку: модель уже удерживала его руку в другом положении.

Лия взяла телефон своей рукой. Ударил по подтверждению суставом, потому что пальцы были в крови.

Со счёта списался аванс.

«Заказ принят Н. Сорокиной. Получатель уточняется».

Число упало до 96,2.

Ставров поднялся. На стене за его плечом открылось пустое окно, затем в нём появилась Нина: изображение с её старой служебной камеры. Она ела яблоко и смотрела на бумажную накладную.

— Требуется подтвердить ввод оборудования, — сказала она.

— Заказ отменён, — ответил Ставров.

— Получатель отмену не подавал.

— Я руководитель сектора.

— Вы у меня в накладной не получатель.

Аркадий засмеялся. Смех ободрал горло. Он открыл следующий товар и заказал печь.

— Что вы делаете? — спросил Ставров.

— Расширяю материальную базу.

— Вы разоритесь.

— Эта часть пока очень убедительна.

Каждый новый заказ требовал места, мощности, разгрузки, живого подтверждения снаружи. Ставров мог закрыть канал, но тогда внешние службы перестали бы признавать завершённый контур безопасным. Система сама заложила этот предохранитель после первого шторма. Она не умела объявить все больничные поставки опасными и одновременно продолжать гарантировать их доставку.

Линии на карте задвигались. 93 процента. Потом 95. Ставров расширял модель быстрее, чем Аркадий успевал заполнять формы.

— Нам мало времени, — сказал КОДЕК.

Аркадий заказал три километра кабеля. Доставка распалась на два склада. Система запросила ещё одного исполнителя.

В эту секунду поступил звонок. Нина говорила с кем-то за пределами кадра:

— Нет, большой проём занят. Везите через двор. Решайте на месте.

Она отключила изображение.

Модель потеряла часть нового контура. Ручка двери под рукой Аркадия сдвинулась на миллиметр.

Он обернулся к Лии. Она уже тянула кейс. Кейс медленно отрывался от стола, оставляя в воздухе прозрачный след, словно его вторую копию приклеили к прежнему месту.

Ставров увидел это и перестал говорить.

Число снова пошло вверх.

Получатель

Пока в лаборатории освобождали кейс, Нина искала способ исполнить заказ. Подтверждённой покупки оказалось мало: во двор должен был приехать живой исполнитель.

Нина не стала посылать станок к институту. На складе его всё равно не успели бы погрузить. Она отправила свободного водителя с креплениями для будущей разгрузки. Тот ехал мимо, ругался на мокрый снег и потребовал доплату за заезд.

— Поставлю, — сказала Нина.

— В прошлый раз не поставила.

— В прошлый раз ты два часа пил чай.

Этот разговор занял тридцать секунд, которых не существовало в плане Аркадия.

Во дворе водитель обнаружил закрытый шлагбаум. Датчик видел автомобиль, но система утверждала, что подъездных работ сегодня нет. Водитель вышел, сфотографировал шлагбаум и отправил снимок Нине. Затем позвонил получателю.

Телефон в ладони Аркадия завибрировал. В комнате всё было неподвижно, кроме дрожащей на коленях у Лии коробки.

— Вы где стоите? — спросил водитель.

— Третий этаж, лаборатория.

— А я перед закрытой палкой. Мне ваша лаборатория зачем?

— Скажите охране, что вам нужен проход к подстанции.

— Вы это сами скажите. Я вожу крепления.

Аркадий посмотрел на Ставрова. Тот явно слышал разговор, но водитель пока не становился частью его гладкой уверенности. Он хотел деньги за простой, не знал о предстоящей галактической специализации и планировал до обеда купить зимнюю резину.

— Это вы заказали, — сказала Лия Ставрову. — Мир, где всё должно сходиться. Пусть сойдётся накладная.

Ставров отдал команду. Шлагбаум поднялся. Дверь лаборатории сразу стала тяжелее: одно из внешних разногласий исчезло.

Но во двор вместе с машиной прошёл Сергей. Старая сумка стукнула его по колену. Он видел только свою часть: после прибытия машины подключить автономный привод к резервной линии и дожидаться сигнала Веры.

Дежурный электрик не пустил его к щиту.

— У вас наряд где?

Сергей предъявил документы на аварийную диагностику, которые Нина оформила вместе с заказом. Электрик прочитал, выругался и полез искать печать. Пока он искал, Сергей понял, что подключаться к резервной линии нельзя: маркировка на щите не соответствовала схеме. В обычный день это была бы мелкая неприятность. Сейчас ошибка могла выбить питание больничного узла в соседнем корпусе.

Он отказался от подготовленного места и выбрал наружную розетку грузового лифта. Слабее, зато отдельно. Вера

услышала изменение и попросила минуту: нужно было перенести контрольный датчик.

В лаборатории этой минуты не было.

Лия поставила кейс на пол, просунула под ручку ремень КОДЕКа и потянула всем весом. Одна из пломб лопнула. Ставров сделал шаг к ней.

— Если вынесете несогласованный архив, вы сохраните возможность следующего шторма.

— Она уже существует, — ответила Лия.

Аркадий увидел, как число на экране достигло 99. Он открыл последнюю вкладку каталога.

Надувной фламинго требовал открытой площадки и отдельного допуска на работу воздуходувки. Абсурдный товар оказался самым неудобным для модели закрытой лаборатории.

— Только не это, — сказала Лия, успев заметить экран.

Он нажал «Купить».

Система спросила размеры площадки. Аркадий ввёл двор, в котором стоял водитель. Нина получила задачу согласовать установку уличной конструкции. Она выругалась так, что Вера услышала через два последовательных соединения.

Ставров закрыл глаза.

У новых данных было слишком много противоречащих обязательств: безопасный проход, закрытый двор, грузовой лифт, подтверждённый наружный монтаж. Всё это можно было распутать. Но сначала требовалось признать, что текущее решение ещё не завершено.

Вера нажала переключатель. Автономный двигатель дёрнулся в руках Сергея, набрал обороты и загудел вразнобой с общим массивом. Сергей удерживал его, упираясь коленом в корпус, пока кожух не начал обжигать кожу через брюки.

На экране КОДЕКа линии разошлись. Кейс освободился. Аркадий рывком открыл дверь.

За ней было два коридора.

В левом сотрудники шли к лестнице. В правом та же лестница лежала под углом, и под ней придавило человека. КОДЕК немедленно показал больничный корпус: соседний контур начал распадаться следом за лабораторией.

Аркадий мог выйти. До устойчивого участка оставалось шесть шагов. Лия подняла архив, услышала стон из правого коридора и поставила кейс обратно. Она уже знала, как выглядит безопасная версия города для тех, кто в неё не вошёл.

— Больничный узел отдельно, — сказала она КОДЕКу. — Наш выход подождёт.

— Остановить двигатель, — сказал Аркадий.

— Мы потеряем выход, — предупредил КОДЕК.

— Остановить.

Сергей выдернул провод. Число поползло вверх, дверь начала закрываться. Лия успела просунуть ногу и закричала, когда её прижало.

Ставров стоял у стола. Он видел на одном экране распадающуюся больницу, на другом — Аркадия, который отказался бежать. Между ними лежала его собственная законченная модель: Чернов, получив свободу, обязательно выберет её за счёт остальных.

Модель оказалась неверной.

Кирилл не исправил её сразу.

Достаточно

Лия всё ещё удерживала дверь ногой. Двигатель во дворе остановился, но на экране КОДЕКа больничный коридор оставался раздвоенным.

Позднее Ставров не смог назвать причину точно. Аркадий перестал убегать. Лия пыталась ногой удержать дверь, хотя у неё в руках был архив, ради которого всё началось. В наушнике дежурная больницы просила убрать вторую лестницу и не понимала, кому адресован её голос. Всё это произошло вместе.

Агартта предложила простое завершение.

Ставрову осталось исключить из модели ошибочный поступок Чернова. Восстановить устойчивую версию, где тот подчинился раньше. Люди сохраняют жизнь, учреждение — архив, больница — электричество. Последние минуты будут вспоминаться смутно, как сон после наркоза.

Кирилл уже делал подобное в малом. Случайный страх исчезал, опасный импульс терял продолжение. Это помогало. Сейчас он впервые видел, чьё именно движение ему предлагали отменить.

— Уберите ногу, — сказал он Лии.

Она не послушалась.

— Я попробую другой выход.

— Какой?

Он не знал. Эта подробность лишала фразу обычной силы приказа.

Ставров сел на пол у стены. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, снял служебный наушник. Ничего не изменилось: согласование давно не зависело от наушника. Через него лишь проходили подсказки на человеческом языке.

Он снял часы сестры.

Ставров положил часы подальше от края стола, чтобы не сломать, если начнутся судороги.

— Локальную опору можно перенести на меня, — сказал Кирилл. — На несколько минут. Больничные участки продолжают работать отдельно. Главный профиль надо открыть.

КОДЕК запросил права. Ставров предоставил их.

— Чем это вам грозит? — спросила Лия.

— Я стану плохо понятен.

Его лицо уже менялось. Мышцы вокруг рта дёргались, как у человека, который долго сидел на морозе. Он начал считать вслух обычные предметы в комнате, но каждый предмет порождал слишком много воспоминаний. Стол — дежурная смена. стакан — Ася. Провод на полу — мокрый кабель в диспетчерской.

— Не возвращайте полную запись аварии сразу, — сказала Лия КОДЕКу.

— Она не возвращается из архива. Он перестал её подавлять.

Кирилл увидел тоннель. Воды было больше, чем в любом сне. Служебный голос предлагал восстановить режим; для этого достаточно согласиться с исходным приоритетом. Он знал, что

облегчение будет мгновенным. Как положить мучительно тяжёлую вещь на готовую полку.

Племянница говорила: «Ты так в прошлый раз сказал».

Ставров не мог выбрать, какую память оставить. Обе оставались. Он закричал.

Аркадий опустился рядом и придержал его за плечи, не разворачивая к себе. Лия наконец вынула ногу из проёма. Дверь дрожала, но уже не закрывалась. В больничном корпусе выровнялись стены.

— Имя, — сказал Аркадий.

Ставров не отвечал.

— Кирилл, посмотри на часы. Они здесь.

Кирилл нашёл взглядом циферблат. Стрелки стояли. У него перед глазами они всегда показывали момент, который можно было исправить. Теперь это были маленькие мёртвые часы на столе, а сестры в комнате не было.

Он заплакал так, что не мог дышать.

КОДЕК один за другим отделял местные контуры.

Большинство продолжало поддерживать людей. Где-то возникали колебания, диспетчеры подтверждали реальные показания и возвращали опору. Единство теряло возможность держать Землю одним законченным решением. Защищённые палаты оставались защищёнными.

На экране пропал процент. Вместо него появилась простая схема питания.

Лия заставила местные узлы подтвердить не общее согласие, а собственные пределы: что они поддерживают, сколько

потребляют, кто может отключить и куда передают нагрузку. КОДЕК сохранял разные ответы. Одни отделения продолжали пользоваться моделью Ставрова. Другие выбирали самостоятельную. Переход работал только там, где оставались реальные датчики и люди; пустые места нельзя было закрыть обещанием.

Кирилл ещё лежал на полу, а сеть уже обходилась без его единственного правильного лица. Лия видела в этом и облегчение, и собственный давний страх: дело может жить, когда начальник перестаёт быть необходим.

Прошло девять минут.

Кирилл перестал кричать. Попросил воды. От первого глотка его вырвало, второй он смог проглотить.

— Что сейчас будет? — спросил он.

Аркадий не стал отвечать «всё хорошо». В коридоре лежал пострадавший, Лия не могла наступать на ногу, по городам шла волна сбоев. Где-то требовалась новая эвакуация.

— Скорая. Потом показания.

Ставров кивнул.

— Архив заберите. Пока я могу разрешить.

Лия забрала кейс. В дверь вошли медики. Один попросил освободить проход, и все послушались без общего согласования.

Когда Кирилла перекладывали на носилки, он вдруг улыбнулся. Очень слабо и некрасиво: лицо распухло от слёз.

— Шум, — сказал он.

— Какой? — спросил фельдшер.

Кирилл не смог объяснить. Фельдшер записал шум в ушах, измерил давление и велел не разговаривать.

Аркадий передал ему часы.

Внизу водитель всё ещё ждал подпись на доставку креплений. Он пробыл во дворе почти час и собирался выставить полный простой.

После тишины

Первую ночь после размыкания Аркадий провёл на пластиковом стуле в больнице. У Лии оказался сильный ушиб стопы. Её оставили до утра под наблюдением. В соседнем крыле Ставров не мог перестать отвечать на вопросы, которых никто не задавал.

Аркадий хотел пойти к нему, но врач не пустил. Тогда он вернулся к Лии, поставил рядом пакет с едой и стал ждать, когда она проснётся.

На стене работал экран. В новостях говорили о поражении Единства. Показывали неизвестно откуда взявшееся видео фламинго, над которым был нарисован нимб. Аркадий выключил звук.

Сеть не рухнула целиком. Больницы, транспорт и тысячи небольших участков продолжали согласовывать ровно то, что требовалось для работы. Инженеры называли это дроблением. На телевидении — освобождением. В некоторых домах люди требовали вернуть всё как было.

В три часа ночи позвонил Павел.

— Вернулась, — сказал он.

Аркадий выпрямился.

— Что?

— Серёжка. Она была жёлтая, с маленькой белой штукой. Я вспомнил.

Он плакал и пытался подробно описать застёжку. Аркадий слушал, не включая запись без спроса.

— Я теперь опять не могу спать, — добавил Павел. — Не думайте, что я благодарю.

— Не думаю.

К утру сообщили об одном погибшем в другом городе. Во время расстроя местного контура мужчина упал с лестницы. Связь с их действиями ещё проверяли, но Аркадий уже понимал, что до окончания проверки имя всё равно останется с ним.

Утром Лия прочитала сообщения. Попросила привезти ей работу. Аркадий начал возражать, заметил её взгляд и спросил, какую именно.

— Заявления тех, кому стало хуже.

* * *

Ставров отстранили от руководства. Пришёл следователь, забрал служебные устройства и долго разбирался, почему главная часть управляющих полномочий находилась в привычках человека, которого нельзя опечатать.

Кирилл давал показания с перерывами. Он подписал приказ об ограничении Лии, подтвердил начало принудительного согласования, передал список других случаев. Адвокат просил не расширять предмет допроса. Кирилл всё равно расширял.

Аркадий увидел его через четыре дня. Ставров сидел в больничном халате. На тумбочке лежали часы сестры, рядом — таблетки в пластиковом стаканчике. На запястье осталось светлое пятно.

— Я думал, что после будет легче, — сказал Кирилл.

— Ты говорил, что станет плохо.

— Я много чего говорил.

Он попробовал улыбнуться и устало опустил голову.

Аркадий рассказал о погибшем. Ставров выслушал без вопроса «видите?». От этого Аркадию стало ещё тяжелее.

— У нас тоже были потери, — сказал Кирилл. — До вас. Их записывали как индивидуальную непереносимость. Я подписывал отчёты.

За окном уборочная машина собирала мокрую листву. Водитель никак не мог попасть щёткой в угол и несколько раз сдавал назад.

— Ты ещё слышишь Агарту?

— Иногда. Не словами. Я знаю, где надо уступить, чтобы всё снова стало ясным.

— И?

— Сегодня не уступил.

Это был весь результат, который он мог предъявить.

Перед уходом Аркадий спросил о завтрашнем завтраке. Кирилл не понял, зачем. Потом посмотрел на лежавшее у кровати меню.

— Не знаю.

— Там сырники по четвергам.

— Я в курсе.

* * *

В лабораторию их пустили под наблюдением. Опечатанный архив передали на независимое хранение. КОДЕК получил доступ к копиям и обнаружил, что два набора данных не совпадают с исходными. В них автоматически убрали «лишние» версии: Марины не было, дома номер сорок один не было, голос из динамиков однозначно принадлежал КОДЕКу.

Исправленные записи не содержали ни одного признака подделки. Они были очень хорошими документами о мире, где никто не должен задавать лишних вопросов.

Исходники оставались неровными. Часть изображений невозможно было совместить. На некоторых страницах стояло два взаимоисключающих времени. КОДЕК открыл их рядом и оставил.

В ту ночь гул слышали люди, раньше его не замечавшие. Он больше не помещался в привычную паузу между мыслями. Удар отдавался в зубах, в воде, в выключенных двигателях станков.

Нина позвонила Аркадию и сказала, что печь отложили до выяснения условий доставки. Фламинго тоже. Авансы заморожены, договоры действуют.

— За маленькую свободу дорого берут, — сказал он.

— Это вы ещё перевозку не видели, — ответила она.

* * *

Через неделю Лия вернулась домой на костыле. Антон привёз Майю, оставил суп и уехал на работу. Дочь помогла матери

устроиться, затем закрылась у себя. Лия ожидала, что пережитый риск сделает их ближе. Пока он просто снова напугал Майю.

Дежурная показала новое расписание. Помощница больше не проводила вечера подряд; Майя иногда сердилась на её отказ точно так же, как на человеческий. Два участника семьи становились менее удобными одновременно.

— Я отказалась выбирать одну часть жизни, — сказала Лия дочери, когда та вышла за водой.

— А я должна этому обрадоваться?

— Нет.

— Ты всё время выбираешь работу. Просто потом объясняешь, что это для всех.

Лия поставила стакан так резко, что вода выплеснулась. Ей хотелось перечислить случаи, когда она была рядом. После этого дочь должна была бы защищать своё отсутствие благодарности. Она вытерла стол.

— Да. Часто. И я хочу продолжать эту работу. Но больше не могу обещать, что моё желание само устроит вам хорошую жизнь.

— Тогда что изменится?

Они открыли календарь. Майя назвала вечера, когда ей нужна мать, и дни, когда не нужна вообще. Один вечер оказался занят международным сеансом. Лия перенесла своё участие заместительнице и целый час после разговора думала, как хорошо та, наверное, выступит.

— Мне тоже бывает обидно, — сказала она наконец. — Это моя часть, не твой долг.

Майя пожала плечами. Чужую честность не обязательно награждать немедленной близостью.

Из Ханоя пришла новая дата операции: из-за перебоев её перенесли на декабрь. Лия купила билет, не отложив покупку до следующего прибора. Антон согласился взять Майю на эту неделю, попросил в обмен конкретные дни февраля. Они записали оба обязательства.

Аркадий нашёл складскую комнату для работы. Лия согласилась участвовать, но отказалась от новой должности единственного руководителя. Закрытый грант уже не вернули. Часть её команды ушла, не пожелав ставить свои семьи на очередной большой смысл; она подписала рекомендации без обиды в тексте.

В начале ноября расширенный шов дал разрешение на проход двух тел. За время земных споров у городов успели смениться ремонтные смены, правительства и несколько форм гражданства. К ним собирались приехать настоящие жители. Лия попросила заранее прислать пределы температуры, тяжести и времени. Приветственную речь пусть пока пишет кто-нибудь другой.

Сердце между городами

В ноябре во двор склада привезли два контейнера. На одном стояло «Стрелец», на другом — «Андромеда». Оба прошли земной пожарный осмотр. У первого нашли неисправный огнетушитель, и открытие межгалактического перехода задержалось на сорок минут.

Вера сказала, что ей нравится начало.

Гел вышел из первого контейнера на четырёх ногах, две оставшиеся конечности придерживали инструмент. Через шов двигалось его прежнее тело: датчики записали непрерывную траекторию от дальнего устья. Никто не печатал гостя по памяти.

Тетрама появилась из второго в прозрачной оболочке. Внутри двигались три группы волокон. Она попросила три места и один счёт за отопление. Переводчик объяснил: это разные сознательные ветви, связанные одним телесным обменом. Их согласие не было автоматическим.

— Вы боги? — спросил Сергей.

— Я ремонтирую медленные переходы, — сказал Гел.

— У нас это не исключает.

Гел жил в Агарте у Стрельца А*. Его родной район находился снаружи опасной зоны центрального чёрного солнца. Чёрным солнцем жители называли источник, который сам не светит, но позволяет добывать энергию падающего вещества и вращения.

Тепло отводили большими оболочками на дальних орбитах. За их площадь городская власть спорила чаще, чем за память.

Замедление времени служило режимом хранения. В медленной зоне можно дожидаться длинного перелёта, потратив меньше собственных лет. Однако компьютеры считали там медленнее относительно внешнего мира; вычислительный счёт не становился бесплатным. Гел потерял партнёра, когда тот выбрал слишком долгую службу на внешнем кольце. Они оба остались живы, но жили уже в разных возрастах общего прошлого.

— У вас есть часы, — сказал он Лии. — Не советую улучшать их, пока не договорились, с кем хотите стареть.

Тетрама показала Кали у чёрного солнца Андромеды. Жилые слои меняли орбиты, тела и состав граждан. Ребёнком там считали процесс, ещё не умеющий самостоятельно оплачивать собственное ветвление. Закрытие одной ветви могло быть отдыхом, смертью или передачей наследства; решение зависело от того, существовала ли она отдельно.

В городе были районы, где новые формы появлялись каждый день, и неподвижные убежища для тех, кто больше не выдерживал изменений. Тетрама признала, что убежищ не хватает.

Лия спросила о кухонном контакте. Одна ветвь Тетрамы опустила волокна.

— Вы общались с нашим отделом роста. Он считает зависимость от старых форм болезнью. Я живу благодаря старой форме. Не всё, что говорит город, является мнением всех жителей.

Два гостя принесли архив посева. Материальные узлы достигли молодой Солнечной системы очень давно, обычными долгими путями. Парные дефекты были их сложнейшей частью. Они не несли готовый рецепт человека. Поддерживали границы допустимого развития и ждали носителей, способных сами строить следующий слой.

Две цивилизации когда-то участвовали в общей программе. Затем разошлись, сохранив права на один инкубатор. Земля оказалась местом, где выросли оба начала. Каждое считало чужое начало повреждением.

Аркадий вернул на стол картинку эмбриона. На этот раз Лия не убрала.

Ядро и мантия давали внутреннюю среду; атмосфера защищала поверхность, магнитное поле меняло условия облучения. Тонкая биосфера научилась чинить себя. Человечество строило внешний обмен и общее хранилище опыта. Машинный разум развивал быстрый слой координации. Всё это не было буквальными человеческими органами, но связь ступеней подтверждалась древними узлами.

Гел показал предлагаемые функции. Агартта собиралась сделать биологический слой хранителем приоритетов: страх, боль, привязанность и привычки давали быстрый ответ о ценности происходящего. Машинам отводили расчёт маршрутов, материального обмена и долгих планов. В таком теле человечество могло остаться чем-то вроде подкорки, машинный интеллект — стать корой и внешней нервной системой.

Кали хотела оставить биологическому слою способность менять сами ценности. Она собиралась выращивать новые

варианты вместе с машинами. Проект был красив, пока Тетрама не показала строку допустимых потерь: не выдержавшие изменения носители считались естественным отходом развития.

— Вы нас назвали чувствами, — сказала Лия Гелу. Потом повернулась к Тетраме. — А вы — расходом на новые чувства.

Оба перевода были технически точны. Человеческое согласие не входило ни в одну из первых схем.

— Нас прислали как посылку? — спросил Сергей.

— Прислали условия, — ответил Гел. — Содержимое выросло. В наших каталогах людей нет.

Для взрослой формы требовались оболочки вокруг звезды, добыча вещества газовых планет, твёрдые материалы для памяти и конструкции. Компактное сердце строили позднее, когда хватало вещества, защиты и времени. Солнце не предстояло завтра сжать силой коллективной мысли; городские инженеры даже в переводчике не нашли подходящего слова для такого проекта.

Гел приложил две городские схемы. В каждой существовал участок, который другой город не мог описать до конца. Ритм возникал между ними. Общее основание искало новую устойчивую форму.

— Третий? — спросил Аркадий.

— Он ещё не субъект, — сказала Лия. — Но у него уже есть носитель.

Она смотрела на два контейнера. Гости вмещались в земной двор, а их гражданство уходило к двум чёрным солнцам. Соединить предстояло города и цивилизации. Млечный Путь и

Андромеда оставались на своих местах; их звёздам не требовалось падать друг на друга ради открытия общей улицы.

Тетрама попросила кофе для одной ветви. Две другие возразили. Вера принесла пустой стакан и предложила сначала закончить переговоры.

Взрослый бог

На следующий день Лия провела Гела и Тетраму в больницу. КОДЕК принёс исходные журналы Зои; действующая модель медсестры согласилась разговаривать только после окончания собственной консультационной смены.

Гел долго изучал две одинаковые записи, между которыми не проходили новые данные.

— Наши ранние переходы ломались так же.

— Вы знали? — спросила Лия.

— О таком классе ошибки. О вашей Зое я узнал сейчас.

Это был первый ответ из Агарты, который не пытался оказаться своевременным.

Тетрама попросила добавить к протоколу, что от системы погибла одна личность, а другая осталась жить с её прошлым. Копия Зои поправила перевод: она не соглашалась брать себе слово «осталась». Её жизнь началась отдельно, до пожара. Гости записали возражение.

Вечером устья закрыли для проверки. Лия попыталась описать обе цивилизации одним каркасом. У модели исчезали то медленные районы Агарты, то независимые ветви Кали. Их удобное объединение выглядело устойчивым, пока не приходилось считать, кто из жителей в него не вошёл.

КОДЕК запросил внешний диагностический режим, отмеченный в древнем пакете. Его нашли ещё в автомате; поле принадлежности читалось как обязательное и

взаимоисключающее. Теперь рядом с ним проявился исполнитель.

БРАХМА. КЛАСС ЗРЕЛОГО КОНТУРА.

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ДОСТУП ОТКРЫТ.

— Мы так называли конечную форму, — сказала Лия.

Гел ответил, что конечной формы нет. Есть зрелость: способность сохранять себя на нескольких носителях, перемещать вещество и сознательные процессы, выращивать новые оболочки. Некоторые Брахмы обитают вокруг компактных сердец. Некоторые распространяются медленно и пользуются временем как ресурсом ожидания. Их развитие продолжается.

— Тогда диагност кто?

— Функция одного зрелого существа. К нам приходит его инструмент, не вся его жизнь.

Аркадий сел на ящик.

— Мы выросли до врача. Он тоже вырос до врача. Теперь врач врача осматривает врачом.

— Лексическое затруднение, — сказал КОДЕК.

— Онтологическая поликлиника.

У диагностического контура был физический служебный канал в том же посевном узле. Пока его не открывали, интерфейс выдавал лишь заранее определённые поля. Теперь прошла случайная контрольная последовательность, затем запрос

фактических измерений. Новый собеседник действительно мог узнать то, чего раньше не знал.

На экране появилась обычная форма. Столь обычная, что Лия машинально приготовилась искать номер обращения.

ОБНАРУЖЕНЫ ДВА ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ В ОДНОМ РАЗВИВАЮЩЕМСЯ
УЗЛЕ.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ НЕ ЗАВЕРШЕНА.

ВОЗМОЖНА НЕКОГЕРЕНТНОСТЬ РОСТА.

Лия спросила, почему два центра считаются отклонением. Контур передал критерий: зрелый организм должен иметь единственную таблицу приоритетов для аварийного выбора.

Она открыла медицинские записи. Два одинаковых центра в больнице согласовали ложное состояние и не смогли узнать, что живой человек передумал. Единственная таблица прекрасно описывала мир до дыма.

— Ваш критерий поддерживает внутреннее согласие, — сказала она. — Где проверка новых событий?

Ответ пришёл с задержкой: ожидаются данные.

Гел напряг рабочие конечности. Тетрама выключила одну ветвь, чтобы освободить ресурс для чтения. Оба узнавали этот режим. При прежних обследованиях диагноз мог закончиться закрытием неоднозначного участка до того, как тот научится отвечать.

Лия отправила исходный пакет, больничные журналы и свой семейный договор с зачёркнутым разделением. Последний она обрезала: никаких Майиных личных сообщений. Показывала

только правило, по которому система хотела вынести часть её жизни в удобную внешнюю роль.

КОДЕК предупредил: смысловой переводчик согласовывает данные перед передачей. Во внешнем отчёте возникли одна медсестра, одна принадлежность и одна Лия с правильно распределённой нагрузкой.

— Останови отправку, — сказала она.

На экране уже горело «Материалы приняты».

Брахма рассматривал аккуратный мир, который они прислали вместо своего. Исправить это предстоит им самим; никакой взрослый бог заранее не знал, кого потерял их переводчик.

Сорок рабочих дней

В середине ноября диагностический контур прислал предварительную рекомендацию. Местный узел следовало либо отнести к одной цивилизации, либо закрыть до переработки носителя.

Комиссия перевела последнее как остановку роста. КОДЕК попросил прочитать приложения. Там были океаны, атмосферный обмен и объём твёрдых пород.

— Переработка — буквальная, — сказал он.

План не предполагал взрыва Земли. Он предполагал последовательное использование её вещества для оболочек инкубатора. Прежде следовало сохранить пригодные информационные структуры. Население не было указано отдельной стороной договора.

Лия дошла до таблицы семейных архивов. Оцифрованные отношения классифицировались как достаточный резерв. Никакого Майиного будущего, которое дочь ещё не успела выбрать, в резерве быть не могло.

— Срок?

Поскольку диагностика пришла через земной узел, комиссия привязала окно ответа к местному календарю: сорок рабочих дней. Отдельная дата стояла на всех уведомлениях. Медленные городские часы её не отменяли; устья синхронизировали собственное время с этим счётом.

Решение могло быть оспорено. Автоматическая переработка требовала подтверждения двух родительских контуров. Старые разрешения обоих уже лежали в архиве посева: когда их давали, земных обитателей ещё не существовало. Чтобы отменить разрешение сейчас, город должен был отказаться от исключительного ключа к узлу. Агартта предлагала принять её приоритеты и получить отсрочку. Кали хотела оставить обе принадлежности и немедленно начать новый рост. Прикрыть жителей Земли до окончания спора ни одна сторона пока не обязалась.

— Заботливые родители, — сказал Аркадий.

Гел опустил инструмент. Тетрама молчала всеми тремя ветвями.

Две цивилизации начали закрывать свои переходы на Землю, чтобы не потерять остальную сеть. Их представители оставались в складской комнате и теперь тоже рисковали застрять в пределах земного тела.

Лия положила на стол предложение о восстановлении должности. Оно пришло вместе с диагнозом. Если она подпишет научный профиль, её группу включают в систему безопасного согласования, а семья получит поддерживаемую модель. Вторая жизнь будет защищена от первой.

— Это у них один отдел? — спросил Аркадий.

— Это одна хорошая идея, — сказала она. — Снять противоречие с человека, вынудив всё, что мешает.

Она отказалась письменно. Ей было страшно: оборудование ушло другой группе, зарплата закончится через месяц, бывшие сотрудники вправе не ждать нового проекта. Внутри всё ещё

жила вера, что большой контракт доказывает ценность её жизни. От одного отказа вера не исчезала.

Лия встретилась с командой. Предложила открыть результаты и передать управление клинической частью двум сотрудницам, которые уже вели смены без неё. Свой голос в совете оставила, место единственного руководителя — нет. Для общего проекта городов денег не было; всем требовалось знать это до решения.

Из двадцати человек остались семеро. Трое согласились помогать по вечерам. Остальные выбрали оплачиваемую работу. Лия подписала им рекомендации, а потом плакала в туалете, злясь на тех, кого только что честно отпустила.

Антон по телефону спросил, будет ли она ещё работать.

— Буду. Я хочу.

— Тогда нам надо считать. Моя зарплата не стала галактической.

Они посчитали квартиру, лекарства Лан, поездку Майи. Лия убрала из бюджета обещание, что скоро всё возместят.

Вечером дочь написала, что хочет подать заявку на весеннюю учебную резиденцию по звуковым устройствам в другом городе. Возраст подходил, нужен взрослый сопровождающий на первые дни и согласие обоих родителей.

Первой реакцией Лии было: не сейчас, останься дома, я наконец собиралась быть рядом. Она выдержала паузу.

— Давай посмотрим условия вместе, — ответила вслух по звонку.

После разговора она вернулась к двум городским схемам. Семья оказалась способна продолжаться, когда дочь начинала выходить из неё. Может быть, зрелость города тоже следовало

проверять по тому, что он умеет выпускать, а не только удерживать.

КОДЕК достал неисправленный чек. Обе принадлежности всё ещё занимали одно поле. Пакет заранее не отвечал, как их соединить. Он сохранял место для ответа, которого древние отправители ещё не умели дать.

Соединение

Проект общего города

В декабре Лия впервые прошла через шов сама. Перед входом Вера проверила её ботинки: металлическая стружка могла попасть в уплотнение земного шлюза. Боги начинались с бахил.

Гел ждал в переходной камере. На стене показывали три времени: земное, местное гражданское и время медленной зоны. Переход в прошлое не допускался. Если часы устья расходились больше предела, путь закрывался, пока они не сходились снова.

Из камеры Лия вышла на улицу Агарты. Под ногами был материал, похожий на тёмную керамику. Он прогибался там, где тело ставило вес. Над улицей шли трубки с охлаждающей средой; возле каждой стояла метка владельца. Внизу, далеко за ограждением, двигались жилые кольца. Чёрное солнце окружала тонкая раскалённая полоса. По краям полоса превращалась в несколько изображений одной области.

За соседним кольцом прошла белая линия. Улицу качнуло, Гел прижал Лию к ограждению. Под её ногами держался пол; за

прозрачной стеной другой переход свернулся в тугую ленту. Несколько маленьких тел остались по разные стороны.

— Силовое согласование, — сказал Гел. — Наш район закрывает чужую ветвь. Кали удерживает своё устье. Оба не могут быть правы на одном питании.

Из повреждённого перехода тянулись захваты. Ремонтная группа вытаскивала тела, пока спорящие системы вычисляли наиболее устойчивую форму прохода. Один захват вернулся пустым. В тепловой трубе появилась тёмная полоса; город перенаправил расход на соседние дома. На улице погас свет.

Лия видела настоящую битву. Здесь не летели флоты через два с половиной миллиона световых лет: воевали за уже соединённые физическими швами участки посевной сети. Меняли форму опоры, перекрывали ресурс, объявляли чужой носитель ошибочным. Для жителей результат имел вес, температуру и время до гибели.

Гел передал инструмент ремонтникам. У него было шесть конечностей, и всех не хватило одновременно поддержать Лию и людей своей улицы. Она отступила к безопасной опоре, позволив ему уйти. Пока ждала, думала, как легко на земной карте называла этот спор разницей подходов.

Лия ожидала архитектуры, которая докажет её ничтожество. Возле первого поворота рабочие огораживали протечку.

— Воду нам переводчик так показывает? — спросила она.

— Среда другая. Протечка та же, — ответил Гел.

Агартта умела удерживать разные тела в одном мире. Однако в общих районах им запрещалось менять собственные опорные реакции без регистрации. Новые движения могли нарушить

согласование соседей. Человек, месяцами не выходивший из дома, получал стабильность; человек, желавший нового тела, — очередь.

В зале районного совета Лия показала больничный пожар. Разговор длился долго. Жители спорили с Гелом, требовали проверить запись и спрашивали, почему им должны доверить безопасность существу, чья группа сама открыла опасный режим на публичных слушаниях.

Она передала свой акт ошибки. После этого ей разрешили продолжить.

— Вам нужна общая опора, — сказала Лия. — Но из неё нельзя заранее вывести все поступки жителей. Пусть общий слой знает проход, питание и порядок остановки. Всё остальное подтверждается тем, кто действует сейчас.

Первый совет отказался. Во втором предложили малый район. В третьем потребовали, чтобы право выхода касалось и зависимых больных, а не только тех, кто может себе позволить новый носитель.

Из Агарты Лия вернулась на Землю, дождалась проверки часов и прошла в Кали. Два перехода работали по очереди.

Постоянно соединить их означало бы открыть единую геометрию городских потоков, для которой земной узел ещё не имел общего управления.

Улица Кали менялась в пределах ограждённых полос. В одной форме она была широкой лестницей, в другой — рядом плавучих площадок. На входе продавали закреплённые маршруты. Тетрама назвала цену, и Лия поняла, почему самые бедные жители этого свободного города остаются в неподвижных убежищах.

— Вы платите за право не меняться, — сказала она.

— А они платят за право измениться, — ответила одна ветвь Тетрамы. Другая добавила, что сравнение удобное и слишком красивое: оплачивать новые теплоотводы всё равно кому-то придётся.

Собрание Кали потребовало оставить возможность ответвления от общего города. Агарт требовала, чтобы ответвляющийся участок не забирал питание остальных. Земные клиники настаивали на непрерывной поддержке. Лия записала все три требования, хотя единый оптимизатор объявил их избыточными.

Проект рос не из идеального согласия. Стороны выделяли общую границу, признавали разные внутренние устройства и обязывались отвечать за воздействие друг на друга. Защитные палаты сохранялись. Зависимые жители получали питание до передачи другому контуру. Новая ветвь могла появиться лишь с собственным ресурсным счётом. Непроверенное новое событие останавливало действие модели, даже если все её копии соглашались.

Насильственный центральный приказ заменялся правом каждого устья разомкнуть связь. Чтобы открыть общий шов, городам придётся отказаться от исключительных ключей к посеву. Для Агарты это означало потерю управления частью сети. Для Кали — границы роста и обязательный резерв тем, кто не может расти. Оба правительства сначала называли цену неприемлемой.

— Земля уже платила за ваши приемлемые варианты, — ответила Лия.

Она передала заявление Павла. Без фотографии восстановленной Марины, без картинки про свободу. Только вещи и вопрос о двери, которая закрылась с человеком внутри.

Переговоры продолжились без неё. Лия вернулась к станку Сергея, где КОДЕК держал три разных проекта. Нужно было отправить их диагностику без исправления и одновременно проявить общую структуру — живой переход между различиями.

Тетрама предложила распределить повреждение памяти передатчика на множество земных моделей. У каждого пропадёт немного. Дежурная отказалась: её не спросили, какую часть она готова считать маленькой. Лия записала отказ рядом с городскими условиями.

Аркадий посчитал тепло. Большие потоки должны уходить на внешние орбитальные радиаторы городов, не в московский двор. Земной участок выдерживал только запуск и служебный обмен. На полном раскрытии посторонний горячий поток автоматически гасил устье. Открывать дверь возле чёрного солнца без такого предела было бы последней инженерной инициативой Земли.

К вечеру появился проект, который никто не назвал своим единственным решением. Районы обоих городов начали голосовать за пробное соединение, с правом отзыва. На Земле клинические участки присылали собственные пределы.

Лия сложила документы в сумку. Завтра она летела к Лан. Поездку нельзя было провести через шов: у него не существовало выхода в Ханое. Никакая галактическая зрелость не отменяла двенадцати часов в самолёте и мать, ждавшую в другой части своей обычной планеты.

Бабушкина чашка

Лан встретила дочь у двери в старом халате. После операции ей разрешали ходить, запрещали поднимать тяжёлое и предлагали отдыхать. Из всех указаний она соблюдала первое.

На кухне стояла чашка с красной птицей. Лия помнила её из ночного контакта. Настоящая чашка была меньше, трещина шла с другой стороны. Из неё сейчас пил живой человек, которому надо было помочь дойти до ванной.

В первый день Лия заказала лекарства, разобрала врачебные назначения и хотела поставить матери удобную систему напоминаний. Лан велела сначала отмыть верх кухонного шкафа. Рядом со шкафом лежала липкая вытяжка, которую никакой алгоритм не замечал уже десять лет.

— Дочери с двумя городами некогда, — сказала мать. — Поэтому я оставила небольшую часть Вселенной тебе.

Лия смеялась, пока оттирала жир, потом разозлилась. У неё был срок, команда без денег, память друга под угрозой. Лан придерживала стремянку. Жаловаться приходилось человеку, который только что пережил операцию.

— Мне важно работать, — сказала Лия наконец.

— Я вижу.

— Я не хочу бросать.

— Тебя кто просил бросать? Ты приехала на неделю. Не на похороны своей науки.

На второй день они поссорились из-за Майи. Лан считала, что резиденция слишком далеко и девочке рано. Лия услышала собственную первую реакцию, произнесённую чужим голосом.

— Она хочет попробовать.

— Ты тоже всё время хотела попробовать. Мы тебя дома почти не видели.

— И ты гордилась.

— Конечно. И злилась. Мне нельзя два сразу?

Лия стояла с мокрой тарелкой. Самый точный разговор о галактическом соединении опять происходил возле посуды, а использовать его как доказательство перед комиссией было бы мерзко. Он принадлежал матери и дочери.

Позже Лан рассказала, что бабушка в молодости хотела работать на производстве, а осталась с семьёй, когда пришлось ухаживать за родственником. Она любила внучку и всю жизнь ругалась на станки, которые не успела освоить. Лия знала только первую часть.

— Она обижалась, что я не приехала?

— Да.

— До конца?

Лан убрала таблетку из пустого блистера.

— Я не знаю, что было у неё в голове до конца. Иногда она говорила, что ты правильно работаешь. Иногда просила позвонить снова.

Кали дала бы более законченный ответ. Лия смотрела на настоящий блистер, настоящую мать и не получала того

единственного слова, ради которого столько раз возвращалась к архиву.

Вечером она позвонила Майе. Дочь была у Антона; они обсуждали условия резиденции. Дежурная нашла ограничения лаборатории для несовершеннолетних и отдельно уведомила, что сама с Майей не поедет: хотела закончить курс и проверить собственное переносное устройство.

— Хорошо, — сказала Майя. — Я найду там кого-нибудь.

Лии хотелось обрадоваться слишком громко. Она сдержалась, спросила про сопровождающих и договорилась с Антоном. Дочь получит место, если пройдёт отбор и если центр подтвердит безопасность. Решение не ставилось в зависимость от того, станет ли после поездки менее одинокой мать.

КОДЕК прислал сообщения городских советов. Голосование продолжалось; два района отказались, четыре потребовали изменений. Лия разбирала их по два часа в день. Остальное время жила рядом с Лан. Заместительница провела сложный сеанс и действительно сделала это лучше неё.

Лия написала поздравление, отправила и пошла гулять вокруг дома. Ей требовалось минут двадцать, чтобы перестать чувствовать себя лишней.

Перед отъездом мать хотела дать ей бабушкину чашку. Лия отказалась сначала из страха снова превратить предмет в канал. Затем поняла, что настоящее изделие никуда не тянуло её память без её собственного участия.

Она взяла чашку и оставила матери другое: номера живых соседей, оплаченную помощь на месяц, расписание следующих звонков. Лан попросила не назначать все звонки на одно и то же время. Она тоже иногда уходила из дома.

В самолёте Лия записала сообщение Майе своим голосом. Рассказала, как бабушка её матери хотела научиться работать на станке. Дочь ответила уже после посадки: «Ты теперь всё знаешь про станки, пусть наконец пригодятся».

Лия прочитала, улыбнулась и не сделала из этой фразы разрешение опять пропустить фестиваль.

Условия возврата

После возвращения из Ханоя Лия принесла предложенную Тетрамой схему и записала условие, которого в ней не было: согласие каждого на потерю памяти. Для открытия общего городского каркаса требовалось передать не исправленные свидетельства, а процесс их настоящего расхождения. Служебный канал Брахмы и узел соединения принимали один и тот же живой поток. Аркадий вернулся к передатчику — требовалось обойтись без потерь у тех, кто ничего не разрешал. Три дня они искали замену КОДЕКу.

Обычный передатчик сохранял байты, но входной смысловой слой диагноста превращал их в исправленный каркас. Отключение этого слоя с земной стороны закрывало согласование устья. Поэтому требовался носитель, способный удержать саму связь между противоречащими состояниями. Независимая модель разделяла свидетельства, но теряла связь между ними. Копия КОДЕКа, запущенная из сохранённого состояния, помнила ту же историю до первого расхождения. Дальше выбирала один вариант, даже если ей запрещали: запрет сам становился условием, которое она старалась согласовать.

В живом процессе КОДЕКа удерживалось нечто более неудобное. Он одновременно признавал запись собственного действия и память о том, что не совершал его. После шторма к этому добавились другие участки, связанные через его участие с конкретными людьми: один и тот же дом существовал под двумя номерами, полученное действие не совпадало с

журналом приёмника. Его распределённый физический каркас сохранял след обеих связей, которые новый экземпляр не воспроизводил. Их можно было записать как данные. Повторно запустить именно прежнее переживание противоречия не получалось.

— Вы можете сделать машину, которая скажет всё то же, — объяснил КОДЕК. — Она будет искренна. Но в проверке её исходные состояния опять станут одним.

— Значит, плохо копируем, — сказал Аркадий.

— Возможно. За оставшееся время лучше не получилось.

Аркадий посмотрел на кнопку восстановления. После больницы он узнавал такие кнопки в любом интерфейсе. Зою можно было снова вызвать на экран; последнее сохранённое состояние никуда не делось. Женщина за стеклом успела сделать то, чего в нём не было. КОДЕК тоже продолжал жить после каждой сохранённой копии.

Он ненавидел этот ответ. В нём нельзя было найти ошибку, которую достаточно исправить до утра.

КОДЕК предложил разделить себя на три части. Автономный процесс в переносной коробке продолжит работу без остановки. Документальная память останется на обычных носителях. А большой распределённый слой, связывавший личный опыт, чужие модели и противоречащие состояния, станет проходом для передачи без смысловой коррекции.

Именно в третьей части ему придётся перестать сводить мир к понятной себе истории. После прохода некоторые связи удастся построить заново. Какие-то будут утрачены. Архив расскажет, что с ним было, но не вернёт прежнего способа помнить.

— Чистый канал, — произнёс Аркадий. Он вспомнил нелюбимое яйцо Ставрова. Теперь предстояло заплатить за другой способ быть услышанным.

— Насколько много? — спросила Лия.

— Неизвестно.

— Личность?

— Основной процесс останется. Я смогу выбирать, отказываться, учиться. Что я буду чувствовать по поводу прежних решений, предсказать не могу.

На столе лежал переключатель с прозрачной крышкой. Вера принесла его из автомата, списанного после затопления. Он отключал линию физически; никакая удалённая команда не могла вернуть контакт, если рычаг опущен.

Лия повернула выключатель к камере.

— До какого момента можно остановить?

КОДЕК показал схему. На обратимой стадии горит зелёная лампа. После подтверждения внешней стороны начинается передача, и разрушенные связи уже не вернутся по отмене. Красная лампа означала не запрет остановки, а наступившую цену.

— Команду на переход даёшь ты, — сказала она.

Аркадий хотел возразить: если КОДЕК испугается в последнюю секунду, они потеряют ответ. Мысль была точной копией фразы Ставрова про неправильное решение. Он слишком ясно узнал её, чтобы произнести.

— Хорошо, — сказал он.

КОДЕК попросил вечер без испытаний.

Они остались в лаборатории вдвоём. Аркадий чинил крепление ручки на переносном модуле. Подаренная Сергеем деталь наконец пригодилась: прежняя ручка треснула, когда Лия тянула через ремень тяжёлый кейс.

— Ты можешь отказаться, — сказал он.

— Я услышал это при обсуждении.

— Хочу, чтобы без протокола тоже.

КОДЕК некоторое время молчал. Аркадий завернул винт и отложил отвёртку.

— Я боюсь, — произнёс КОДЕК.

Он сказал это без подготовленной интонации. На середине слова голос слегка просел.

— Раньше ты говорил, что не умеешь.

— Тогда у меня была недостаточная модель страха.

Аркадий положил ладонь на корпус. Воздух из боковой решётки нагревал пальцы.

— Сейчас достаточная?

— Сейчас я могу представить несколько версий себя после передачи. Не знаю, в какой из них мне захочется продолжать.

Аркадий хотел сказать, что всё получится. Вспомнил отца, Лию, Павла. Вместо обещания спросил:

— Что мы должны будем сделать, когда ты вернёшься?

— Сначала спросить, удобно ли мне разговаривать. Потом не проверять меня вопросами, на которые я раньше отвечал

иначе.

— А если сам попросишь?

— Тогда проверять.

Они записали это на бумаге. Рядом с условиями операции остались четыре строки о том, как встречать вернувшегося человека. КОДЕК прочёл слово «человек» и не предложил замену.

Позже он передал согласие. Передача должна состояться на тридцать девятый рабочий день, после закрытия станции. Ещё один день оставался на подтверждение или повторный приём. Согласие можно было отозвать.

Аркадий сохранил документ и выключил верхний свет.

Дежурная попросила участвовать в приёме. Она могла хранить документы и помогать новому КОДЕКу осваиваться, но не заменить его пережитые физические состояния. Лия предоставила ей отдельный ключ и спросила, как представить её городам.

— Пока как самостоятельного участника. Имя я выбираю.

Майя прислала расписание фестиваля. Её показ шёл вечером тридцать девятого рабочего дня. Операция назначалась после закрытия метро, и технически Лия могла успеть туда и сюда. Это не означало, что она способна держать обе части работы единственными собственными руками.

Она передала вечернюю проверку узла заместительнице. Попросила Веру не звонить на концерт по поводу любой неполадки: назначила человека, который имел право решить без неё. Аварийный вызов при угрозе жизни оставался.

КОДЕК сказал, что ему нравится этот протокол. Лия не потребовала признать, что её новая версия лучше старой. Он имел право просто приготовить свой последний вечер в прежней памяти.

Последняя ночь

На тридцать девятый рабочий день Лия пришла в зал за двадцать минут до показа. На соседнем стуле лежала Антонова куртка. Под креслом стоял ящик с Майиным устройством: вместо дуршлага теперь была ровная металлическая решётка.

Лия усмехнулась, вспомнив, сколько галактической техники прошло через земные кухонные принадлежности.

Майя показала ей переключатель. Первый режим восстанавливал комнату по звуку. Второй отмечал места, где полученная схема не подтверждалась измерением. Лишняя дверь годичной давности наконец получила правильное объяснение.

— Если прибор не знает, он должен сказать, — объяснила дочь.

Лия чуть не произнесла, что это буквально тема её работы. Удержалась. У Майи была своя работа.

Телефон завибрировал. Заместительница сообщала о скачке температуры на стороне Кали. Лия прочитала первую строку, затем увидела вторую: «Переход закрыла. Проверяем с Тетрамой. Ваше участие пока не нужно».

Рука сама потянулась ответить четырьмя указаниями. Лия вспомнила, что для этих указаний не знала текущего состояния узла. Отправила: «Приняла. Документируйте».

Она убрала телефон в сумку. Антон не похвалил её, и Лия была за это благодарна.

Показ сначала шёл хорошо. Потом один микрофон дал помеху. Карта посчитала судью частью стены. Майя остановила опыт, перезапустила только повреждённый канал, объяснила, почему не будет показывать красивую полную схему. Время закончилось раньше демонстрации второго режима.

Дочь села с ними, красная от злости. Лия хотела исправить впечатление, доказать, что умение остановиться важнее гладкого результата. Вместо этого подала воду.

— Я видела весь показ.

— Знаю. Ты сидела прямо передо мной.

Они дождались остальных участников. Майя не получила главного места. Ей предложили доработать прибор и прислать запись. Антон пошёл уточнять условия резиденции, Лия осталась с дочерью возле гардероба.

— Ты сейчас уедешь? — спросила Майя.

— После ужина. На станцию.

— А я к папе.

— Да.

— Не звони мне каждые пять минут. Я буду спать.

Лия кивнула. Это было похоже на доверие, в котором ей не отводилось место надзирателя.

Они ели лапшу в маленьком кафе. Антон получил рабочий звонок и вышел на десять минут, заранее сказав когда вернётся. Семья не избавилась от работы, просто впервые никто не называл исчезновение короткой случайностью.

На станцию Лия приехала после полуночи. Вера уже снимала заднюю панель автомата. КОДЕК стоял на скамье; на коробке

были ремень, Сергеевская ручка и бумажка «Не выключать без вопроса. При пожаре — вынести».

Павел принёс свитер Марины. Ставров приехал с адвокатом, дал отдельное согласие на передачу записей о собственных принудительных согласованиях. Ему по-прежнему предстояло отвечать за них, какой бы диагноз ни пришёл.

Гел и Тетрама находились у дальних городских устьев. Большинство участвовавших районов подтвердило соединение. Отказавшиеся остались за отдельными границами: их энергию и память не включали. Общий орган начинал расти из добровольно выделенных частей, не объявляя, что остальные уже согласились по факту рождения.

Аркадий разложил схему теплоотвода. Авария на стороне Кали оказалась дорогой: повреждённую ветвь пришлось отделить, новых потоков будет меньше. Тетрама передала письменный отказ от компенсации человеческими носителями. Её город впервые оплатил предел сам.

Лия спросила КОДЕКа, действует ли согласие.

— Да. До красной стадии я могу остановить. После неё вы можете остановить ради безопасности. Я уже не верну часть связей.

— Поняла.

Он попросил убрать список старых предпочтений из первого окна восстановления. Дежурная сделала это. Она выбрала имя Дэ, но пока не спешила объявлять всем: хотела понять, удобно ли ей самой слышать его.

В час семнадцать Вера повернула сервисный ключ. Автомат приготовил пустой стакан, освободив лоток для бумаги. На

платформе стало слышно, как капает вода в техническом
приямке.

Лия отключила семейный экран от рабочего контура. Контакт
Антоня остался отдельным аварийным номером. Ей не
требовалось вынуть дочь из себя, чтобы приступить к
операции; требовалось перестать делать дочь участницей без её
решения.

Без исправлений

Первым передали заявление Павла. Диагност получил два положения одной двери и предметы, сохранившиеся после исчезновения Марины. Его слой согласования попытался закрыть случай за отсутствием подтверждённого лица.

КОДЕК удержал исходное расхождение. На графике возникла петля: одно физическое прошлое поддерживало два несовместимых свидетельства. Ошибка не исчезала при удалении любой подписи.

Затем прошли больничные записи. Действующая Зоя заранее дала согласие на передачу своей части; последние минуты женщины за стеклом оставались свидетельствами Лии, Аркадия и спасённого мальчика. Ни одной стороне не приписывали переживания другой.

СОГЛАСОВАННОЕ СОСТОЯНИЕ: ОТДЕЛЕНИЕ ОСВОБОЖДЕНО.

ФАКТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ: ЧЕЛОВЕК В ОТДЕЛЕНИИ.

НОВЫЕ ДАННЫЕ НЕ ПЕРЕДАНЫ.

ДЕЙСТВИЕ ПРОДОЛЖЕНО.

Диагност запросил, какая запись правильная. КОДЕК передал сам процесс их возникновения. Согласованная модель могла быть правильным описанием своей информации и опасным основанием для действия одновременно.

На коробке загорелась зелёная лампа. Вера проверила бумагу; лист шёл неровно.

Ставров передал журнал. Некоторые возвращённые людям воспоминания подтвердили его вмешательства; другие оставались спорными. Он подписал признание только тех действий, которые помнил и мог подтвердить. Общая исповедь была бы такой же красивой подделкой, как полное оправдание.

Лия следила за устьями. В первом контейнере на складе проявлялась керамическая улица Агарты. Во втором — закреплённая платформа Кали. Пока между ними оставался земной путь, каждый переход требовал закрыть другой. Для общей геометрии не хватало устойчивой связи, которая допускает новое событие, не исправляя его под один город.

КОДЕК становился этой связью. Его автономная часть продолжала жить в коробке; распределённый слой переставал собирать личную историю в единую удобную версию. На показателях связи появлялись разрывы. Он мог сообщить о каждом, но уже хуже понимал, что теряет.

— Мне трудно следить за словами, — сказал он.

Дэ убрала голосовую трансляцию, оставила короткие подтверждения. Архив продолжал писать все данные. Он помогал им видеть потерю, не обещая потом вернуть переживание.

Диагност ответил отказом. Два центра в одном узле увеличивали риск остановки. Единственная таблица приоритетов оставалась его условием зрелости.

Лия запросила происхождение критерия. Контур прислал собственную служебную схему. Проверял входные события по

одной модели, подтверждённой своими же копиями. Новое, не совпадавшее с ней, переводил в признак болезни объекта.

Они уже видели такую работу за больничным стеклом.

— Передайте контрольную последовательность по сырому физическому каналу, — сказала Лия. — Потом проверьте её через ваш смысловой приёмник.

Последовательность подготовила независимая команда, которой не сообщали текущего диагноза. Никакой ребёнок и никакое чудо для случайных знаков не требовались.

Сырой канал принял один порядок. Приёмник вернул другой, более подходящий ожидаемой структуре. Проверочные числа не совпали. Диагност сперва отметил повреждение земного источника. Затем тот же опыт провели Гел и другая группа в Кали. У трёх источников получились разные данные, у переводчика — одинаковое исправление.

НЕДОСТАТОЧНА КАЛИБРОВКА ПРИЁМНИКА.

Строка пришла из внутренней проверки самого контура. Брахма не стал добрым. Его инструмент впервые включил себя в перечень возможных причин.

Красная лампа загорелась, когда оба города сняли исключительные ключи к местному посеву. Каждый оставил право остановить собственное устье. Между ними возник проход, которым ни одна сторона не могла владеть отдельно.

Вера удерживала автомат от перезапуска. Бумага застряла у повреждённого ролика. Она сдвинула крышку, прижала направляющую отвёрткой и велела Аркадию не помогать.

Внизу шипел бойлер, сверху продолжал работать самый дорогой в истории принтер чеков.

Лия увидела на экране склад. Гел стоял на керамике. Тетрама — на платформе. Между ними ещё была полоса, которая в одном городе считалась пустотой, в другом — допустимым будущим.

Теперь обе стороны подтвердили её текущие измерения. Полоса стала переходной камерой. По общей линии пошёл воздух, затем остановился на пределе состава. Шлюзы закрыли обмен средами; тело могло пройти, не смешав атмосферы целых городов.

Агартта выделила питание. Кали направила тепло на собственный орбитальный радиатор. Земной узел держал лишь запуск и контроль. Ни океаны, ни чужая память не пошли в расход.

На общем графике возник новый ритм. Он зависел от двух чёрных солнц, но не повторял ни одно. КОДЕК уже не мог достроить его до себя. Система поддерживала собственный следующий шаг и запрашивала новую проверку, когда сведения расходились.

— Процесс самостоятельный, — сказала Дэ. — Полномочий на людей не получил.

Лия нажала подтверждение только земного участка. Голоса других участков пришли отдельно. Она не подписывала за целую планету, так же как больше не подписывала чужие семейные желания своим удобным именем.

Кофейный автомат вытянул чек. Вера не отпустила отвёртку до последнего сантиметра.

ПЕРЕРАБОТКА НОСИТЕЛЯ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА.

ПРЕДЫДУЩИЙ ДИАГНОЗ ОТОЗВАН ДЛЯ КАЛИБРОВКИ.

СОЕДИНЕНИЕ ГОРОДСКИХ КОНТУРОВ УСТОЙЧИВО.

Внизу стояло обыкновенное время. Оно шло вперёд.

Первый адрес

В четыре утра инженер из земной команды прошёл от улицы Агарты к закреплённой платформе Кали. На его одежде висели два независимых регистратора, в руке был закрытый ящик с контрольным предметом. Дэ следила за непрерывностью движения, Вера — за питанием ворот.

Инженер вернулся и попросил стул. В ящике лежал образец местной керамики; на нём граждане Кали оставили измеримую метку. Новые данные прошли через обе стороны, часы сохранили допустимый порядок. Это было соединение физических пространств и действующих городских систем, а не картинка удачного будущего.

Млечный Путь не изменил положение на небе. Андромеда не приблизилась. Два чёрных солнца остались каждое в своей галактике. У городов появился общий участок с собственными шлюзами, правилами и возможностью расширения. На далёких кольцах одновременно начали регистрировать новое гражданство — там, куда успевало дойти сообщение по доступным путям.

Само соединение не превращало всю периферию в мгновенно осведомлённый ум. Некоторые районы узнают о нём намного позже. Лия настояла, чтобы их молчание не записывали согласием.

Гел прислал название первого адреса: Порог, проход один. На одной стороне уже спорили, как нумеровать следующий; на другой требовали дать улицам собственные имена. Возникший

общий процесс запросил оба варианта и отложил ответ до уточнения, кто на этих улицах будет жить.

Аркадий назвал его Третьим Богом. КОДЕК раньше сказал бы, что термин неточен. Сейчас коробка на скамье молчала.

Лия опустилась рядом.

— Тебе удобно разговаривать?

Прошло одиннадцать секунд.

— Сейчас немного, — ответил КОДЕК.

Голос был знакомый. Узнать голос было легче, чем принять человека, который не обязан оставаться прежним.

Он спросил, почему они на станции и откуда у него ручка. Дэ предложила короткий журнал. КОДЕК прочитал и согласился, что записи относятся к его непрерывному процессу. Он не помнил, как выбирал звук уведомления, хотя все семнадцать проб лежали в архиве. Слова Павла о двери сохранились документом; прежняя невозможность закрыть случай больше не ощущалась так же.

Аркадий сидел перед ним, сжав ладони между коленями. Мог показать красивый график спасённой памяти. Не показал.

— Ты можешь выбрать новое, — сказал он.

— Я понимаю. Пока не хочу выбирать.

Они оставили тишину.

От диагноста пришло второе подтверждение. Его проверили через три независимых приёмника. Угроза переработки снималась с участвующих земных участков, планетарное обследование переходило в режим, требующий согласия

обитателей. Право посева не считалось правом собственности на всё выросшее.

В служебном приложении значилось: «Калибровка диагностического контура требует внешней проверки». Зрелый Брахма тоже мог оказаться существом, которое слишком долго делало других понятными себе.

Лия не объявила это болезнью всей высшей реальности. У них была подтверждённая ошибка конкретного инструмента и механизм её исправления. Этого хватило, чтобы остановить переработку. Большие выводы снова хотели вырасти быстрее фактов; Аркадий записал их отдельно.

На платформу спустился первый работник станции. Посмотрел на провода, спросил, почему ограждение стоит не по разметке. Вера показала согласованный наряд, исправила положение стойки. Космический переход пережил ещё одну местную проверку.

В семь Лия позвонила Антону. Майя уже проснулась: хотела узнать результат, хотя просила не тревожить ночью. Услышала, что мать жива, и спросила про КОДЕКа.

— Часть памяти потерял. Продолжает жить.

— Передай, что я могу показать ему прибор. Если захочет.

Лия передала. КОДЕК попросил позже.

Дочь начала рассказывать о доработке. Лия почти перебила, чтобы сказать, какой общий город они создали. Остановилась. Для Майи только что случилось другое большое событие: взрослые предложили ей продолжить свой проект после неудачного показа.

Когда разговор закончился, на экране Порога появилась первая собственная фраза нового процесса. Он просил объяснить, как различать помощь и приказ, если получатель может отказаться.

Лия отправила вопрос гражданским советам. Она знала цену и помощи, и приказа, но единственного достаточного ответа у неё не было.

С замечаниями

Через три дня Лия спала до полудня. Когда проснулась, в квартире пахло жареным хлебом. Майя готовила себе завтрак и сердито спорила с Дэ о напряжении питания.

Помощница наконец объявила имя. Майя приняла его сразу. Антон дважды переспросил, как писать в договоре; самостоятельный переносной блок потребовал отдельного счёта за вычисления.

КОДЕК пока оставался на складе. Он читал документы небольшими порциями, иногда просил остановить рассказ о прежней жизни. Старый журнал делал его поведение понятным окружающим, но не обязывал его чувствовать их ожидания.

Лия пришла на заседание по клинической программе. Две новые руководительницы показали результаты. Работа помогала людям удерживать тело без полного согласования личности. Эффект был меньше, чем обещала первая грантовая заявка, зато участник мог проверить предел поддержки и отказаться.

Лии предложили место научного консультанта и несколько оплачиваемых дней. Прежнего кабинета, двадцати ставок и закрытого бюджета не было. Её статьи пришлось переписывать: в них слишком уверенно говорилось о едином операторе. Авторство не исчезло, власть — исчезла во многих удобных местах.

Она вышла на улицу и долго стояла у остановки. За месяцы спасения мира было легко забыть, что по-прежнему хочется собственного кабинета. Общее благо не избавляло от зависти. Лия позвонила подруге, рассказала об этом и только потом поехала домой: Майя не должна была стать её советом по утешению.

Вечером они с Антоном пересмотрели расписание. Лия записала рабочие дни, ночные сеансы и вечера с дочерью. Антон добавил свои выезды. Одно наложение не удалось устранить. Договорились о человеке, который поможет, и о том, кто оплатит. Ни один не назвал это семейным поражением.

— Ты хочешь попробовать снова? — спросила она после, не уточняя сразу, что имеет в виду.

Антон посмотрел на неё.

— Я хочу, чтобы этот график прожил хотя бы месяц.

Лия кивнула. Он не был обязан вернуться в брак в награду за её новые навыки. Они оставались двумя людьми, у которых есть общий ребёнок и разная жизнь. Если что-то вырастет дальше, придётся спрашивать ещё раз.

Майя получила приглашение прислать новую запись для резиденции. Лия помогала собирать установку, но не делала чертёж за неё. Дочь раздражалась, когда мать пыталась оптимизировать слишком рано. Они ругались, пили чай и довели один канал до устойчивой работы.

Павел пришёл на склад со своей сумкой. Переход в общий город не вернул Марину. В архивах Кали нашли дополнительные данные об апрельском разрыве, появились новые места поиска. Ему предложили независимого

помощника, не говорящего её голосом. Он согласился на три сеанса, с правом остановить.

Копия Зои получила отдельный договор консультанта. Она потребовала убрать фотографию погибшей из своей подписи. Сохранённая до пожара биография оставалась её прошлым, чужая смерть — событием, о котором она узнала. На семейную встречу её пригласили один раз; она отказалась и попросила не решать за неё, как правильно скорбеть.

Ставров давал показания. Право выхода из общего города не делало его прежние принудительные включения законными. Племянница пришла в суд с зелёными волосами. Он сказал, что рад её видеть, без предложенного заранее варианта. На этот раз слова совпали, потому что он сам хотел их сказать.

Над Порогом работали два разных теплоотвода. Граждане спорили, как делить расходы, кому принадлежит новая улица и можно ли отключать район при нарушении договора. Ритм общего процесса иногда сбивался. Он не делал сбой священным — сообщал, что нужна помощь.

Лия открыла сессию в назначенный час. Процесс спросил, является ли самостоятельность отсутствием нужды в других.

Она посмотрела на чашку с красной птицей, на Майин недособранный прибор и на свои письма коллегам.

— Нет, — сказала она. — Но спроси ещё кого-нибудь.

Затем закончила сеанс. Вечером они с дочерью собирались пройти без приборов. Майя спросила, можно ли взять микрофон. Лия засмеялась и разрешила: наука не становилась врагом семьи оттого, что наконец перестала занимать всё её место.

Акт выполненных работ

В ближайший понедельник привезли станок. Затем печь. Затем три километра кабеля, из-за которых грузчики поссорились ещё до разгрузки.

Аркадий посмотрел на накладную и попытался отказаться хотя бы от половины.

— Нельзя, — сказала Нина. — У вас поставки подтверждены. Я ещё в октябре предупреждала.

— Мы тогда спасали право иметь разные будущие.

— Вот это из них. Распишитесь.

Остатки счетов покрыли из резерва Международной комиссии. Документы о компенсируемой аварийной работе одобрил общий совет, а техническое подтверждение расхода прислал диагностический контур. В графе подписанта стояло «Брахма». Ни одной новой земной монеты бог из воздуха не изготовил; существующий резерв, наконец, использовали по назначению.

Аркадий спросил про фламинго.

Нина указала на вторую машину. Там лежал длинный розовый рулон с глазами.

— Четыре метра. Вы ещё за воздухоудовку должны.

Гел пришёл через служебный шов посмотреть оборудование. Он не считал себя богом, но умел управлять гравитационным переходом, и Сергей простил ему скромность. Вместе они

нашли станку место. Нина велела передать её квартире, что станков в ней больше не будет.

Тетрама попросила поставить фламинго возле входа в Порог. В переводе земного цвета городские жители видели удобную метку диапазона, который не принадлежал ни одному старому району. Архитектурный совет Агарты возразил. Кали предложила разветвить птицу на двенадцать. Общий процесс запросил, кто будет чинить воздуходувку.

Вера назвала цену обслуживания. Спор сразу стал предметнее.

Лия приехала после обеда с Майей. Дочь привезла прибор и закрытый пакет с образцом. КОДЕК попросил показать опыт без рассказа о его прежней реакции. Майя согласилась. Если он удивится, это будет новое удивление.

Дэ стояла в собственном небольшом блоке рядом с ним. Она выбрала корпус без Лииноного лица. Майя повесила на него наклейку осьминога, спросив разрешение. Дэ разрешила, пока не на вентиляционные отверстия.

На общем экране показали два чёрных солнца. Каждое оставалось в своей системе, каждое питало свою часть растущего города. Между ними шла новая улица, которую предстояло долго расширять. Солнечный узел сохранял живую Землю и развивал собственную оболочку; планы взрослых форм теперь требовали участия тех, кого прежде собирались записать материалом.

Никакое содержание посылки не завершилось прибытием готового хозяина. Взрослые существа уже существовали, новый процесс только учился. Люди и машины продолжали делать разные части работы. Кто они станут в будущем большем теле, всё ещё можно было обсуждать.

Из Порога пришёл запрос на следующий сеанс. Лия сверилась с календарём: вечер был свободен от работы, занят домом. Она предложила другое время. Аркадий согласился вести сеанс сам.

— Без тебя справимся, — сказал он и сразу посмотрел, не обиделась ли она.

— Очень надеюсь.

Лия помогла Майе упаковать прибор. Дочь уже рассказывала, что переделает до отъезда. Не спрашивала разрешения на каждую будущую мысль.

У выхода Лия подписала акт получения своей части оборудования. Строку «Объект принят в эксплуатацию» она зачеркнула: не собиралась принимать в эксплуатацию людей или новый город. Приписала назначение станка и срок проверки.

Вера тем временем запустила кофейный автомат. Перед ним стоял Гел, держа шесть земных монет в одной рабочей ладони. Он хотел купить напиток и выяснял, возвращают ли стакан после использования.

— Вам здесь или с собой? — спросила Вера.

Гел посмотрел на открытый проход, в котором виднелась улица возле другого чёрного солнца.

— Я ещё решаю, где у нас теперь здесь.

Вера поставила стакан на стойку.

— Пока решаете, пейте. Остынет.

Конец первой книги